Учитель

Автор:
Катерина Даймонд

Учитель

Катерина Даймонд

Детектив – самое лучшее

Вы полагаете, что знаете, кому можно доверять, а кому – нет?

Вы уверены, что знаете, чем добро отличается от зла?

Вы считаете, что преступление – это всегда преступление?

Вы ошибаетесь!

Директор элитной школы получает таинственную посылку – и спустя несколько часов его находят повешенным в актовом зале школы.

Так начинается череда изощренных убийств, превративших в ад тихий английский город Эксетер.

Опытные детективы Имоджен Грей и Эдриан Майлз, которым поручено расследование, пытаются прояснить мотивы загадочного преступника. Они еще не знают, что скоро им придется задать себе неожиданный вопрос: действительно ли его необходимо остановить?..

Катерина Даймонд

Учитель

Серия «Детектив – самое лучшее»

Katerina Diamond

THE TEACHER

Перевод с английского Т.А. Осиной

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Diane Banks Associates Ltd.

© Katerina Diamond, 2016

© Перевод. Т.А. Осина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава первая

Директор школы

Джеффри Стоун проводил в атриуме общее собрание. Говорил, обращаясь к унылым юным лицам, и время от времени посматривал на стальной каркас стеклянной крыши. Никто, в том числе и сам мистер Стоун, не подозревал, что утром его обнаружат повешенным на прочной балке.

Неподвижный взгляд над белым крахмальным воротничком будто обращался в сторону директора, однако был направлен в пустоту. Все обреченно ждали

звонка. В школе любили общие собрания, но только до того момента, когда начиналась обычная томительная скука. Церемония представляла собой странное промежуточное состояние между работой и отдыхом, напоминая коварное затишье перед бурей. В эти мучительные минуты тикание часов казалось Джеффри громче собственного голоса. В бесконечных паузах от удара до удара он надеялся, что долгожданный звонок избавит от тусклых, равнодушных лиц учеников и коллег. Каждый пытался притвориться заинтересованным, но никому это не удавалось. Все полезные волевые усилия сводились лишь к тому, чтобы удержать тянувшиеся к носам пальцы. Когда же спасительная трель наконец провозглашала свободу, Джеффри неизменно ощущал ничуть не меньшее облегчение, чем слушатели: по крайней мере, больше не требовалось щеголять ненавистными анекдотами, давным-давно никого не интересовавшими.

О неизбежности близкого финала сообщил сверток, который Джеффри нашел на столе, вернувшись в кабинет. С опаской разорвал плотную бумагу, словно по размеру, форме и весу посылки уже догадался, что роковое известие явилось из прошлого, о каком не хотелось вспоминать. Взглянул и побледнел: перед ним лежала старинная немецкая книга. Понять смысл молчаливого послания не составило труда. Гром грянул отнюдь не среди ясного неба, хотя с тех пор, как Джеффри Стоун взял тяжелый том в руки, а потом подарил человеку, чьей дружбой дорожил, миновало двадцать лет. И вот призрак материализовался. Страшной неожиданностью стала не сама книга, а смысл ее возвращения – бесспорный и неотвратимый, сосредоточенный в одном коротком слове: конец.

Джеффри убрал книгу в ящик стола, чтобы заняться ею позднее. Внимательно осмотрел оберточную бумагу, прочитал надпись и похолодел: выяснилось, что посылку не прислали по почте, а доставили лично. Но почему именно сегодня? Чем этот день отличался от остальных? Конечно, смерть не оставляет выбора, но за долгие годы Джеффри уже привык к мысли о спасительном забвении и поверил, что выкрутился. Оказалось, все не так просто.

Он в последний раз прошел по запутанным коридорам, с болезненной нежностью прикасаясь ладонью к старинным дубовым панелям на стенах. Истертая множеством рук причудливая резьба свидетельствовала о бесконечности жизни. Черчилл – почтенная закрытая школа для мальчиков – долгое время служила Джеффри Стоуну родным домом. Интересно, кто станет здесь следующим директором? Здание было построено несколько веков назад и считалось одной из жемчужин Эксетера – древнего города, жестоко

разрушенного гитлеровской авиацией в 1942 году, во время печально знаменитых «воздушных налетов по Бедекеру». За бомбежку немецких Любека и Ростока фашисты отомстили британцам хладнокровным, расчетливым уничтожением пяти красивейших исторических и культурных центров, подробно описанных в знаменитом путеводителе. Людям пришлось прятаться в средневековых тоннелях, когда-то служивших водопроводом.

Современный центр Эксетера представлял собой гротескное смешение прекрасных старинных зданий с громоздкими, безобразными в своей прямоугольной примитивности утешительными конструкциями, призванными заполнить зияющие пустоты. Город по-прежнему изобиловал архитектурными памятниками, однако не позволял забывать о постигших страну тяжких страданиях. И только школа Черчилл в гордом одиночестве возвышалась среди высоких раскидистых деревьев, напоминая о далеком и вечно живом прошлом. Буйный изумрудный плющ, особенно неудержимый в летний семестр, намертво вцепился в терракотово-красные кирпичные стены, словно старался обрушить и вернуть земле то, что человек забрал у природы. В этом и заключалась главная причина вечной любви Джеффри Стоуна к священной обители: изысканные вековые традиции со спокойным достоинством жили среди грубо сработанных подделок, а правда представала в неоспоримой очевидности. Да, школа стала родной – с того самого момента, когда, еще мальчиком, он впервые вошел в старинные кованые ворота, сразу ощутив себя частью волшебного мира. И с тех пор уже не представлял существования в ином месте.

– Мистер Стоун!

Директор обернулся и увидел Эйвери Филипса. Походка старосты школы свидетельствовала об уверенности, не характерной для обычных учеников. Эйвери протянул конверт.

– Что это?

– Деньги, сэр. Собрали в выходные во время спортивного праздника. Более пятисот фунтов.

– Замечательно. Будьте добры, отдайте секретарю.

– Хорошо, сэр. – Эйвери повернулся, чтобы выполнить распоряжение.

– Впрочем, зайдите на минуту в мой кабинет. Есть небольшое дело.

Джеффри отступил, пропуская молодого человека вперед, и двинулся следом.

Шагали они быстро, причем директор старался смотреть строго на затылок ученика, не опуская взгляд ни к широким плечам, ни тем более ниже. Сколько раз по пятницам, в дождливую погоду, он наблюдал, как парни в черных шортах возятся в грязи в отчаянной борьбе за мяч, цепляясь друг за друга с откровенной плотской яростью. А потом, в ночной тьме, воспоминания о разгоряченных шестиклассниках подолгу не давали уснуть, тесня вожделением грудь… и не только.

С легкой усмешкой староста остановился возле двери. Чтобы дотянуться до ручки, директору пришлось приблизиться почти вплотную. Джеффри часто ощущал в Эйвери страсть к игре. Вот и сейчас, в кабинете, тот развалился на стуле в вызывающей позе – откинувшись на спинку, широко расставив колени и явно испытывая на прочность швы форменных брюк. Слегка склонил голову и посмотрел пристально, будто хотел пронзить взглядом.

– Выпишу вам пропуск, Эйвери. Необходимо отнести кое-что в город.

– Конечно, сэр. – В глазах вспыхнули искры, а на губах появилась многозначительная усмешка заговорщика: что ж, отныне их с директором объединяет общая тайна.

– Очень важно, Эйвери, чтобы никто ничего не узнал – даже при непредвиденных обстоятельствах.

– Понимаю, сэр. – Юноша слегка подался вперед, ни на миг не отводя взгляда.

Джеффри торопливо начертал всего два слова: «Он вернулся». Положил лаконичное сообщение в конверт и уже более аккуратно обозначил имя получателя: Стивен. Адрес написал на отдельном листке.

– Передайте этому человеку, больше никому ни слова. – Он помолчал, думая, что ученик уйдет, однако тот продолжал смотреть, явно чего-то ожидая.

– О! – воскликнул Джеффри, сунул руку в карман, достал несколько купюр и протянул Эйвери. Тот улыбнулся. – Могу я рассчитывать на ваше молчание?

– Разумеется, сэр.

Джеффри знал, что больше всего на свете Филипс любит секреты. Ходили слухи о шантаже, компрометирующих фотографиях, мошенничестве на экзаменах и даже слежке за учителями – кто с кем спит и тому подобное, – чтобы в нужный момент обменять полезную информацию на высокую оценку. Да, Эйвери учился отлично. При нормальных обстоятельствах Джеффри ни за что не отдал бы записку этому опасному парню. Но все закончилось, и возможные последствия утратили значение.

Джеффри посмотрел в окно, увидел, как староста вышел из школы, пересек двор и скрылся за воротами. Перевел взгляд на спальный корпус – более скромный, чем главное здание. Спросил себя: сколько времени осталось? Наверное, надо позвонить жене. Вот только что сказать? Снял телефонную трубку, помедлил, глядя на клавиатуру, и нажал «0».

– До конца дня ни с кем меня не соединяйте, Элейн. Накопилось много бумажной работы.

Джеффри откинулся на спинку кресла и снова посмотрел в окно: во дворе играли мальчики. За время его работы в школе мало что изменилось. Мир вокруг стал другим, но здесь, в старинных стенах, служивших напоминанием о прошлом, все еще жили не стертые веками драгоценные, полные глубокого смысла традиции и обычаи.

Школьный день катился по привычной, давно накатанной колее – Джеффри занимался бумагами, пытаясь, насколько возможно, навести порядок в канцелярских делах, однако мысли постоянно возвращались к лежавшей в ящике стола роковой книге. Он всегда тщательно скрывал свои наклонности, понимая, что огласка разрушит педагогическую карьеру. Всеми уважаемый директор действительно любил свою работу и не мог допустить, чтобы люди узнали, какие чувства внушают ему эти мальчики. Почти тридцать лет Джеффри Стоун отдал школе, и за все годы не случилось ни единой неприятности.

Примерно за час до окончания занятий неудержимо захотелось как можно быстрее уйти. К этому времени шум в классах обычно заметно усиливался, а на последней перемене коридоры наполнялись гамом: дети, с утра строго соблюдавшие дисциплину, уставали и забывали о правилах. Но вот наконец школьный день завершился, и в учебном корпусе наступала долгожданная тишина. Пансионеры возвращались в жилое здание, а приходящие ученики садились в автобусы и разъезжались по домам.

Джеффри достал книгу и провел ладонью по обложке. Прикосновение, словно старый добрый друг, разбудило воспоминания. Дрожащие пальцы прошлись по заголовку «Das Geschenk»[1 - «Дар» (нем.). – Примеч. пер.]. Он открыл книгу и начал читать. Без практики немецкий язык утратил живость, но содержание отлично сохранилось в памяти. Твердо веря в старинную мудрость, Джеффри когда-то купил этот том, обнаружив на пожелтевших страницах историческую перспективу, глубокое проникновение в суть собственного «состояния» и ценные советы о том, как преодолеть природу. Старинная книга представляла собой библиографическую редкость. Чтобы разыскать ее, а тем более приобрести, требовалось немало усилий и денег. Но все же кто-то не пожалел ни сил, ни средств, и Джеффри точно знал, кто именно. В свое время этот том помогал найти ответы на мучительно сложные вопросы: почему он такой, какой есть; почему непременно должен находиться среди стремительно взрослеющих мальчиков-подростков; почему от одного лишь запаха женщины его бросает в дрожь.

Летние сумерки опустили легкое полупрозрачное покрывало, и Джеффри открыл ноутбук, не сомневаясь, что остался в здании один: к этому времени расходились даже уборщицы. Не желая пользоваться школьной сетью, подключил мобильный модем и зашел на закрытый сайт с фотографиями. Прежде чем набрать пароль, еще раз прислушался: тихо. На экране появились ряды папок с указанием возраста, а в каждой в алфавитном порядке перечислялись имена: Джейсон, Маркус, Роберт… Любимые ученики директора школы. Нет, мистер Стоун не принадлежал к беспечной компании глупцов, хранивших опасные улики на жестких дисках. Действовал умно, осторожно, а за безопасность секретного сайта платил немалые деньги. Он попытался открыть первую папку с именем «Дэниел», однако Сеть неожиданно запросила дополнительный пароль – ничего подобного никогда не происходило. В панике Джеффри принялся лихорадочно «дергать» другие файлы, но ни один не поддавался. Хотел стереть, уничтожить… ничего не получилось. Об этих фотографиях не знал ни один человек на свете – не подозревали даже сами мальчики. Кому же удалось разоблачить его тайну и каким образом

злоумышленник сумел заблокировать доступ к секретной информации?

Внезапно Джеффри осознал, что непроизвольно напевает одну старую мелодию, и замолчал. Однако музыка – едва слышная, но оттого не менее знакомая – доносилась откуда-то из глубины здания. Сердце замерло. Все, роковой миг настал. Вдохновенная тема Малера – печальная даже в лучшие времена – сейчас звучала, подобно погребальному колокольному звону, и провозглашала конец, предначертанный судьбой еще несколько десятилетий назад.

Джеффри открыл дверь и выглянул в коридор. Музыка долетала из большого зала. Он двинулся на звук: с каждым шагом мелодия становилась громче и мучительнее. Симфония отлично сохранилась в памяти, а сегодняшний день наполнился тоской по давним временам, сожалеть о которых вряд ли следовало. По тем временам, когда он осознанно причинял тяжкую боль. Музыка и тогда воплощала благоговейный ужас и трепет перед грядущим событием, а теперь мелодии прощания предстояло стать его последним земным впечатлением – разумеется, не случайно.

Джеффри открыл двойную стеклянную дверь и поморщился от нестерпимо громкого звука. На сцене стоял стул, а над ним висела петля. Слева возвышался стол, покрытый красной бархатной скатертью – почти церемониальной в своей торжественности, – а на столе ждал превосходный черный лакированный ящик. Музыка внезапно оборвалась. Возникла давящая, звенящая тишина.

– Привет, старина, – раздался незнакомый мужской голос. Что ж, так и должно быть: мальчик повзрослел.

– Чего ты хочешь?

– Речь не о том, чего я хочу, а о том, что должно произойти.

– Но почему именно сегодня? Прошло много времени… – Джеффри боялся обернуться и взглянуть на собственную гибель.

– Неужели не помнишь, какой сегодня день? Миновало восемнадцать лет. Ровно восемнадцать лет с тех пор, как я узнал, что ты за чудовище. – Голос звучал медленно, уверенно, твердо. Конец надвигался совсем не так, как Джеффри представлял.

– Думаешь, я повешусь? Напрасно. – Он взглянул на петлю.

– Не думаю, а знаю, – прошептал невидимка с такой несокрушимой убежденностью, что сомнений не осталось.

– Тебе придется заставить меня. Останутся свидетельства, улики. Будет ясно, что это не самоубийство, – в панике возразил Джеффри, с каждым словом все глубже ощущая собственную жалкую беспомощность.

– Так или иначе, а сегодня ты умрешь. Было бы приятнее изобразить самоубийство, но вполне подойдет и забавный вариант.

– Не посмеешь!

– Еще как посмею! Не сомневайся. Я там был, помнишь? И видел твое состояние. Видел тошноту.

– Но ты не сможешь ничего доказать. Кто тебе поверит?

– Фотографии говорят сами за себя. Мои, сделанные много лет назад, да и все последующие. Вижу, ты убрал из раздевалок фото- и видеокамеры. Испугался, что кто-нибудь догадается о твоей любви к мальчикам?

– Откуда тебе известно о камерах?

– Давно за тобой наблюдаю. Поставил на твой компьютер отмычку, чтобы следить за каждым нажатием клавиши, каждым сайтом, каждым паролем, и письмом. А несколько недель назад установил виртуальную частную сеть и с тех пор могу не только наблюдать, но и контролировать.

Джеффри медленно приблизился к столу, понимая, что в ящике может оказаться все, что угодно, но не смея надеяться на такую милость, как пистолет. Он чувствовал, что человек стоит рядом, за спиной – так, что можно протянуть руку и дотронуться. Захотелось схватить ящик, размахнуться и ударить негодяя по лицу. А если он ошибается и в действительности расстояние не настолько мало? Что тогда сделает убийца? Нет, рисковать нельзя.

– Я не прикоснулся ни к одному из них, – прошептал Джеффри, чувствуя, как отвратительно звучит оправдание.

– С такими, как ты, это всего лишь дело времени. Сделаешь еще раз и уже не сумеешь остановиться. Но даже если каким-то чудом удержишься, не забывай, что сердечный приступ может случиться прямо за столом. А потом начнут проверять содержимое ящиков и обнаружат ту самую флэшку. Я видел фотографии в твоих файлах. Наблюдал, как ты подсматривал за мальчиками. Давно ли это было? Люди тоже увидят файлы и сделают выводы. – Голос звучал холодно и ровно, без эмоций и даже без насмешки. – Не забывай, что я собственными глазами видел, как ты любишь подглядывать.

Джеффри резко вздохнул: на поясницу легла ладонь, неторопливо поползла вверх, задержалась между лопаток и поднялась выше, к взмокшим от пота растрепанным волосам. Тело с готовностью отозвалось на откровенное прикосновение мужской руки.

– Прекрати!

– Готов поспорить, что, когда я был юношей, ты сотни раз мечтал об этом мгновении. Тогда не стал бы останавливать, – прошептал искуситель, согревая дыханием шею. – Тебе наверняка бы очень понравилось, правда? К сожалению, я уже не тот мальчик. Давно вырос и возмужал.

– Что в ящике? – с трудом проговорил Джеффри.

– Подойди и посмотри. Знаю, что любишь варианты, и оставляю выбор за тобой.

Джеффри поднес руку к крышке и замер в нерешительности: шкатулку ручной работы, искусно изготовленную из черного дерева, покрывал сложный, таинственный узор. А когда наконец осмелился открыть и заглянуть внутрь, во рту мгновенно пересохло. Кровь в венах застыла, колени ослабли, в глазах потемнело. Чтобы устоять на ногах, потребовалось нечеловеческое усилие. Зал медленно закружился.

– Знаешь, что это такое?

– Да, – произнес Джеффри, хотя из-за шума в ушах не услышал собственного голоса. Снова посмотрел на металлический предмет в форме груши.

– Великолепно сделано, не так ли? Взгляни, как изящна чеканка, тщательно проработаны узоры на листьях. – Свистящий шепот звучал настолько близко, что обжигал висок. – Почему бы не взять вещицу в руки?

– Нет.

Стальные пальцы сжали шею. Крепкое мужское тело прижалось, одновременно возбуждая и приводя в ужас. Рука потянулась к лежавшему в шкатулке предмету и впервые попала в поле зрения – большая, сильная, незнакомая… И все же в памяти промелькнул мгновенный образ.

– Действительно, каждый способен найти нечто свое. Мне показалось, эта вещь тебе особенно подходит. Название поэтичное: «Груша страданий». В то далекое время, когда ее изобрели, люди верили, что приговор должен соответствовать преступлению, а наказание должна понести та часть тела, которая согрешила. – Мститель придвинулся ближе, крепче сдавил тисками шею и прошептал в ухо: – Ты лжец и педераст… Так куда же, по-твоему, следует пристроить орудие казни?

– Пожалуйста… – беспомощно пролепетал Джеффри.

– Помнишь, как работает? – Человек разжал пальцы, отступил и с грушей в руках принялся расхаживать по залу. – Если повернуть вот этот винт на конце, то стороны начнут расходиться, и окружность увеличится в три раза. Предположим, я засуну устройство тебе в рот. Разумеется, сначала придется как-то справиться с зубами – скорее всего парочка передних окажутся лишними. А потом и большинство остальных вылезут из своих гнезд. Думаю, незачем объяснять, насколько болезненной процедура окажется без анестезии.

– Прекрати…

– Затем сместится челюсть, и начнет опухать горло, не говоря уже о том, что старинное орудие наверняка кишит бактериями. Дыхательные пути окончательно сомкнутся, и боль окажется настолько невыносимой, что недостаток кислорода ты даже не заметишь. Смерть от гипоксии наступит не

сразу, а займет немалое время. Важнейшие органы будут отмирать постепенно. Минимальный доступ кислорода обеспечит продолжительную агонию. И это притом, что адская боль способна превратить минуту в вечность.

– Хватит! – визгливо воскликнул Джеффри, взглянул на судорожно стиснутые кулаки и увидел, что пальцы побелели от напряжения.

– Разумеется, все это произойдет только в том случае, если я помещу орудие в рот. Вряд ли тебе удастся умереть другим способом, хотя подозреваю, ты бы этого хотел.

– Удалишь фотографии, если я это сделаю? – С замиранием сердца Джеффри посмотрел на петлю и понял, что выбора нет, что подобный конец всегда оставался единственным возможным выходом.

– Поверь, я предлагаю самый легкий путь. Если сделаешь для меня такую малость, обещаю немедленно уничтожить все улики. Полагаю, не следует привлекать к твоей смерти излишнее внимание. Ты передо мной в долгу.

Скользя на безупречно отполированном полу, Джеффри подошел к стулу, медленно залез на него и выпрямился. Как только голова окажется в петле, единственное, что потребуется – две секунды безумного мужества. И больше ничего. Дальше все произойдет само собой.

– Не могу. – Голос задрожал, глаза наполнились слезами, по ногам – на стул и ниже, на пол – потекло что-то теплое.

– Несколько секунд, и конец. Ты сможешь. Я в тебя верю. – В ледяном голосе неожиданно зазвучали ласковые нотки. – Разве не так ты говорил мне когда-то?

Джеффри глубоко вдохнул, словно можно было впрок наполнить легкие воздухом. Стул слегка покачнулся, и пришлось схватиться за веревку: сохранить равновесие было непросто. Человек наконец-то вышел и встал напротив. Откинул капюшон и прямо посмотрел в лицо – последнее, что Джеффри увидел в своей жизни. Он оттолкнул стул, и ноги провалились в бездну. На мгновение показалось, будто удастся найти опору, однако ступни лишь судорожно и бесполезно задергались в пустоте. С каждым движением веревка все больнее впивалась в горло, однако тело продолжало лихорадочно бороться за жизнь.

Потом глаза помутились и сомкнулись, наступила темнота, а на губах застыла мертвая улыбка.

Глава вторая

Отец

В окно заглянуло солнце, и щеки Эдриана Майлза запылали от жара. Он попытался отвернуться от открытых ставен и запутался в мокрых от пота простынях. Рядом шевельнулась и открыла глаза девушка. Эдриан вспомнил, почему не закрыл ставни.

– Доброе утро! – Она улыбнулась. Хорошо, что солнце светило ей в глаза и мешало увидеть, как он судорожно пытается вспомнить ее имя. – Я прекрасно провела ночь.

– Я тоже, – соврал Эдриан. Нет он не кривил душой. Вероятно, ночь действительно прошла отлично, вот только вспомнить ничего не удавалось.

Спас телефонный звонок.

– Я пока оденусь, – сказала девушка.

– Алло! – произнес Эдриан, не сводя глаз… с Ханны?.. или Анны?

Безымянная гостья встала и прошла по комнате, по пути подбирая с пола одежду. Он никак не мог вспомнить, когда именно заключил очередную сделку. Знакомая ситуация: провал в памяти, неизвестная обнаженная женщина в постели и мысль, что в следующий раз надо будет провести ночь на чужой территории, чтобы утром не изображать любезность, а просто встать и уйти. Подобные мысли посещали не впервые, однако в нужную минуту Эдриан неизменно оказывался слишком пьяным, чтобы прислушаться к голосу разума.

– Эдриан, сегодня тебе придется забрать Тома к себе, – сказала Андреа обычным деловым, холодным тоном. Она никогда не звонила без острой необходимости.

– А разве в школе нет занятий?

– Отменили. Там что-то случилось. Извини, что не смогла предупредить заранее, но его действительно некуда деть.

– Неужели парень не может остаться дома один? – Эдриан помолчал, не желая обсуждать с бывшей женой собственную жизнь. Он терпеть не мог послушно исполнять ее команды, однако понимал, что выбора нет: наказание могло повлечь за собой запрет на общение с сыном. – У меня работа.

– Нет. Мальчику тринадцать лет, и его нельзя бросать на целый день. Возьми с собой в управление и посади в уголок. В общем, сделай что-нибудь.

– Послушай, ты установила правила, а я всего лишь исполняю их. Неужели не понимаешь, насколько важен для меня сегодняшний день? – Эдриан старался говорить без тени раздражения: Андреа могла рассердиться.

– Сделай это не для меня, а для него.

– Можно взять твою зубную щетку? – спросила девушка из ванной.

Эдриан поморщился, кивнул и махнул рукой, требуя тишины: телефонная трубка излучала презрение. Андреа давно не желала иметь ничего общего с бывшим мужем, однако заставляла его чувствовать себя изменником.

– У тебя кто-то есть?

– Приеду через десять минут. – Эдриан повесил трубку и вздохнул.

Зашел в ванную, где возле раковины стояла незнакомка в одном белье и чистила зубы его щеткой. Она взглянула в зеркало, улыбнулась полным пены ртом, а потом наклонилась и сплюнула. Эдриан осмотрел ее с головы до ног, подавил зов плоти и произнес:

– Мне нужно срочно уехать, так что выметайся!

Оглянулся в поисках самой чистой пары брюк, поймал собственное отражение в высоком зеркале и заметил на груди царапины – следы ногтей. Провел пальцами по помятому подбородку и обнаружил, что щетина достигла опасного уровня, за которым начинается борода. Прежде чем вернуться на работу, следовало бы привести себя в порядок, но делать это Эдриан не собирался. Маленькие акты неповиновения позволяли чувствовать себя чуть меньшей сволочью. Он натянул через голову вчерашнюю рубашку и захватил со стола ключи.

Эдриан оставил мотор включенным и посигналил. Заметил, как шевельнулись занавески в окнах ближайших домов, и решил посигналить еще раз, чтобы обитатели элегантных особняков вспомнили: соседка не всегда была такой принцессой, как сейчас, а жила и попроще. Всего десять минут езды отделяли его от другого мира, а три цифры почтового кода открывали доступ в иную страну – чистую и счастливую. Нет, нижняя часть города не представляла собой гетто или нечто подобное, но разница в среде обитания бросалась в глаза. Благопристойный район эпохи регентства возвышался над центром Эксетера, возле университета – за тюрьмой и кварталом красных фонарей. Сады утопали в цветах, парадные двери сияли свежей краской, а изумрудные газоны расстилались, подобно мягким восточным коврам. Из окон каждого дома открывался прекрасный вид. Здесь даже солнце светило ярче: лучи отражались от обширного белого пространства стен, а не терялись в бесконечных серых террасах, окружавших крохотный клочок земли в плохом районе, где находился дом Эдриана.

Том подошел к машине, ссутулившись, все еще не освоившись в новом, стремительно растущем теле. Он оставался ребенком, но при этом был всего лишь тремя годами моложе самого Эдриана, когда тот позаботился о его появлении на свет. Глядя на мальчика, отец не мог не сравнивать его с собой. Они с Томом были очень похожи, хотя сын не имел тех же проблем – во всяком случае, хотелось надеяться. Считается, что первый ребенок всегда повторяет черты отца: таким способом природа пытается укрепить семейные связи. Однако Эдриану не помогло даже очевидное сходство с сыном: наверное, в его случае всемогущая природа слегка отвлеклась.

Андреа стояла в дверях и хмуро наблюдала. В строгом костюме, она вполне могла сойти за адвоката или иного серьезного специалиста, хотя работала продавцом-консультантом в дорогом универмаге, а когда брала выходной, мир вовсе не рушился, продолжая существовать как ни в чем не бывало. Эдриан так

долго и упорно добивался права на общение с сыном, что теперь не мог отказать жене в просьбе, зная, что та непременно использует ситуацию в своих целях. Так уж она устроена. Выглядела Андреа прекрасно – как всегда. Эдриан неохотно скользнул взглядом по изгибам безупречной фигуры. Костюм сидел так, словно ее зашили в ткань – без единой складочки и морщинки. Густые черные волосы были собраны в шелковистый пучок, а бриллиантовые сережки сияли, оттеняя чистую кожу цвета молочного шоколада. Этот экзотический оттенок заставлял людей считать Андреа то ли индианкой, то ли латиноамериканкой, хотя в действительности она соединила в себе английскую и ирландскую кровь. Эдриан посмотрел на полные красные губы и поспешил отвести взгляд, пока она не заметила.

– Заберу его ближе к вечеру, – сказала Андреа и уже совсем другим тоном добавила: – Люблю тебя, сынок!

– Пока, мам!

Том сел в машину, и она тронулась с места. Воцарилось обычное напряженное молчание. Отцу хотелось бы списать неловкость на переходный возраст сына, но в действительности так продолжалось семь лет – два раза в месяц, когда они встречались. Андреа вознамерилась полностью убрать бывшего мужа из жизни Тома, однако Эдриан проявил неожиданное упорство. Он влюбился в сына с первого взгляда и старался обеспечить жене достойную жизнь, однако той всегда чего-то не хватало. Тому не исполнилось еще и двух лет, когда Андреа снова вышла замуж и вместе с новым супругом попыталась окончательно «устранить» Эдриана. Когда Тому исполнилось шесть, отец все-таки добился разрешения на регулярные встречи, однако ущерб оказался невосполнимым: отношения так и остались напряженными.

– Почему школа закрыта, знаешь?

– Да. Алекс, приятель, прислал эсэмэску, – возбужденно ответил Том. – Его отец работает там учителем. Мистера Стоуна нашли повешенным прямо посреди атриума. Якобы совершил самоубийство.

– Неожиданно?

О школе, в которой учился Том, Эдриан знал немного, однако Андреа не сомневалась, что ничего лучше в округе нет. Следовательно, сын должен учиться только там. Бывшему мужу она решительно заявила, что его участия не потребуется, а потому он и не лез.

– Еще как! – Том скептически взглянул на отца, словно у того не все в порядке с головой. – Наверняка начнется следствие.

– Я не о том. Он выглядел расстроенным, печальным, растерянным?

– Честно говоря, казался каким-то несчастным, но там почти все учителя такие. Встревоженные и напряженные, понимаешь?

– Тебе по-прежнему не нравится?

– Ничего, только слишком уж надуто.

– Многие дети не отказались бы поучиться в этой надутой школе. – Впрочем, у самого Эдриана сложилось такое же мнение, да и Том попал в Черчилл исключительно благодаря деньгам отчима.

– Знаю, – пробормотал мальчик и откинулся на спинку сиденья.

Снова воцарилось молчание, и Эдриан мысленно обругал себя за менторский тон: он не знал, как разговаривать с сыном. Единственным справочным пособием служило собственное детство, которое ни в коем случае не могло считаться нормальным, а потому приходилось вносить разнообразие в разговор, черпая реплики из низкопробных сериалов. Желая избавиться от давящей тишины, он включил радио. Почувствовал, что народная музыка Тому не нравится, и попытался настроиться на другую волну, но после нескольких минут бесполезной возни с кнопками выключил приемник. Кстати, они уже подъехали к его дому.

Единственное, что Эдриан сумел создать и неизменно содержал в безупречном порядке, – это гостиная. Том, конечно, виду не подавал, однако мечтал опять оказаться в любимой комнате. Значительную часть своего дохода Эдриан тратил на вещи, которые взрослые считали игрушками. Андреа никогда не просила

денег, потому что сразу после развода завязала отношения с солидным, богатым бизнесменом. После рождения сына Эдриан каждый месяц покупал для него новую игрушку – причем не простую, а коллекционную: «Звездные войны», «Звездный путь», «Ди-Си» или «Марвел» – все, что пользовалось огромной популярностью и спросом, должно было достаться сыну – когда он подрастет и поймет истинную цену вещей. Каждый год Эдриан страховал свое богатство на случай пожара, причем делал это чрезвычайно добросовестно, с подробными фотографиями и с описанием каждого неповторимого предмета. Коллекция обладала невероятной ценностью. Стены гостиной – от пола до потолка – представляли собой полки, плотно заставленные фирменным коробками. Попробуйте объяснить шестилетнему ребенку, что играть с вожделенными сокровищами категорически запрещено.

Том сразу уселся перед светодиодным экраном, включил изображение, стереосистему, и комната мгновенно ожила. Эдриан понимал, что для обычной гостиной телевизор слишком велик, но все равно купил его, поскольку не смог устоять перед искушением поразить сына.

– А у тебя есть «Охотники за зомби – 2»? – спросил Том.

– Там ограничение до восемнадцати лет.

– Все ребята давным-давно в нее играют, и сегодня обязательно будут в Сети. Даю слово, что маме ничего не скажу.

– В твоем распоряжении только два часа, а потом поедешь со мной на работу.

– Да пошел ты!

– Том! – крикнул Эдриан так громко, что испугался собственного голоса. Почувствовал за спиной призрак отца и отогнал усилием воли. Сын смотрел с удивлением. – Следи за речью, приятель!

– Я тебе не приятель, – прошипел Том.

Эдриан открыл шкаф и достал видеоигру. В сдержанной улыбке мальчика сквозило торжество победы. Эдриан вышел из комнаты. Он терпеть не мог

повышать голос и ненавидел, когда им манипулировали.

В спальне не осталось и следа от ночной гостьи. О ее присутствии свидетельствовали лишь аккуратно заправленная кровать и отсутствие одежды на полу: все вещи были убраны в корзину. Даже столь малое нарушение неприкосновенности жилища мгновенно породило ощущение ловушки. Страх перед обязательствами превратился для Эдриана в самую настоящую фобию. Когда Андреа бросила его и отняла сына, заодно хладнокровно вырвав сердце, он дал себе слово никогда больше не попадать в подобные капканы. Те умники, которые утверждают, будто любить и потерять лучше, чем не любить вовсе, не представляют, что говорят.

В ванной Эдриан посмотрел в зеркало в надежде убедиться, что глаза уже не красные. Со времени последнего появления на работе миновало полгода. Возвращаться с видом закоренелого пропойцы не хотелось, особенно если вспомнить, как он ушел – точнее, как его попросили уйти. Но прошлым вечером срочно потребовалась хмельная отвага: Эдриан выпил и встретил женщину. Старая история повторилась в очередной раз. Он встал под душ, чтобы смыть с себя похмелье и все, что осталось от ночи, проведенной не в одиночестве. Снизу, из гостиной, долетали леденящие кровь вопли и выстрелы.

Эдриан стоял перед полицейским управлением и горько жалел, что бросил курить. Наконец, глубоко вздохнув, открыл стеклянную дверь и вошел. Том шагнул следом за ним.

– Привет, Томми! – стараясь не смотреть на Эдриана, дружески воскликнула из-за стола Дениза Фергусон. Скорее всего предстояло пережить еще не одну неловкую встречу.

Распахнув вторую дверь, Эдриан почувствовал, что разговоры мгновенно стихли. Все взгляды сосредоточились на нем, а он опустил голову и, глядя в пол, целенаправленно устремился к своему столу.

– Детектив Майлз? – Эдриан поднял голову. В дверях кабинета стоял начальник управления криминальной полиции Гарольд Моррис. – Будьте добры, зайдите.

Эдриан зна?ком велел Тому подождать и вошел в кабинет. Чтобы защититься от внимания отцовских коллег, мальчик вытащил из кармана смартфон и воткнул в уши наушники. Моррис закрыл за подчиненным дверь, подарив несколько минут облегчения. Однако теплая улыбка на лице начальника особого оптимизма не внушала.

– Начальник управления уголовной полиции Моррис, – заученно произнес Эдриан.

– Прошу, Эдриан, присаживайтесь.

Майлз с опаской опустился на краешек стула. Просто так в кабинет не приглашают: следовательно, предстоял серьезный разговор. Начальник управления криминальной полиции Моррис выглядел так же, как двадцать лет назад, когда Эдриан впервые его увидел. Правда, тогда ему можно было дать лет шестьдесят – из-за обширной лысины. Очень трудно определить возраст мужчины, если волосы полностью отсутствуют. Это Эдриан понял давно, сравнивая свидетельские показания. Если речь заходила о лысом мужчине, надеяться на достоверное описание внешности не имело смысла: показания охватывали возрастную группу от подростков до пенсионеров – в зависимости от наблюдательности и зрительной памяти свидетелей.

– Сэр?

– Рад, что вы вернулись. Вас здесь не хватало.

– Видите ли, сэр, то, что произошло…

– Если вам интересно мое мнение: что было, то прошло и забылось. Всякое случается, хотя и не должно бы. Расследование закончено, а шесть месяцев – срок вполне достаточный, чтобы разобраться в себе. Приказ о временном отстранении от работы – лучше, чем ничего. По крайней мере, в следующий раз ответственнее отнесетесь к регистрации вещественных доказательств.

– Следующего раза не будет, сэр. – Эдриан поморщился. – Спасибо за то, что заступились за меня перед дисциплинарной комиссией.

– Вы понесли наказание. От ошибок никто не застрахован, я сам несколько раз оступался. – В стеклянную дверь тихо постучали, и Моррис поднял голову. – Кстати об ошибках. – Он глубоко вздохнул и знаком пригласил стоявшую возле прозрачного кабинета женщину. – Войдите!

– Начальник управления криминальной полиции Моррис? Меня зовут Имоджен Грей.

– Ваше имя мне известно. Проходите и присаживайтесь, детектив Грей.

Неухоженная брюнетка опустилась на стул рядом с Эдрианом и принялась нервно теребить ногти и кусать губы. Одета она была в бесформенный свитер и мешковатые брюки. Ни разу не взглянув на Эдриана, положила ногу на ногу – в противоположную от него сторону.

– Извините за опоздание.

– Детектив Грей, хочу представить детектива Майлза. В обозримом будущем вам предстоит работать вместе.

– Начальница? – промолвил Эдриан. Интересно, ее поставили специально, чтобы он опять чего-нибудь не натворил?

– Знаю, что пара не идеальна, но детектива Грей только что перевели к нам из Плимута, и нужен надежный человек, способный ввести ее в курс дела.

– Иначе говоря, мне нужна нянька? – Грей нахмурилась, а Эдриан понял, что объектом наблюдения выбран не он: новая сотрудница держалась настороженно и даже враждебно. Судя по всему, подруга по несчастью тоже впала в немилость.

– Отлично. Двое угрюмых подростков должны между собой поладить. – Моррис подошел к двери. – Оставлю вас, чтобы не мешать продолжению знакомства.

Детектив Грей даже не повернулась, чтобы посмотреть на напарника. Она начала прилежно изучать стандартные полицейские плакаты на стенах, явно ожидая, что тот заговорит первым. Это была игра, манипуляция, причем

детская. Майлз не уважал подобное поведение.

– Чтобы попасть в пару со мной, надо было сотворить нечто поистине чудовищное, – рассмеялся Эдриан и встал. – Пойдем, разберемся с кодами доступа.

– Почему? Чем ты провинился?

Грей впервые посмотрела прямо, и он увидел ее лицо. Кожа на веснушчатом носу и щеках шелушилась, значит, она много времени проводит на улице. Карие глаза тонули в самых длинных и самых черных на свете ресницах. Ни следа косметики. Возраст определить невозможно; судя по одежде, перед ним сидел пятнадцатилетний мальчик.

– Потерял кое-какие вещественные доказательства и позволил уйти крупной рыбе. Поворотный момент в карьере.

– А ты всегда так откровенен? – Детектив Грей широко улыбнулась, радуясь, что он тоже провинился.

– Разумеется, нет. Но если нам предстоит работать вместе, то предпочитаю, чтобы ты услышала правду от меня.

– Что ж, разумно. – Она снова улыбнулась, но уже более сдержанно.

– А что натворила ты? – Эдриан открыл перед ней дверь и сразу осознал ошибку: детектив Грей схватилась за ручку и знаком велела пройти первым.

– Не твое дело. – Она подмигнула так, что Эдриану показалось, будто в следующую секунду его шлепнут по заднице. Судя по всему, подобная мысль пришла в голову не только ему.

Глава третья

Таксидермист

Она смотрела в неподвижные глаза мертвой кошки. Блестящая шерстка по-прежнему оставалась мягкой на ощупь, однако едва палец коснулся твердого живота, в воздух поднялись крошечные облачка пыли. Она приклеила на объект желтый стикер, означавший необходимость реставрации: предстояло вернуть животному прошлое великолепие – насколько вообще возможно приблизить мертвую материю к состоянию живого существа. Вот уже пять лет Эбби Лукас работала в мемориальном музее «Иден-Хаус», однако ни разу не была ни в одном из четырех основных экспозиционных залов, редко разговаривала с коллегами и никогда не общалась с посетителями, а постоянно сидела на рабочем месте, в хранилище. За пять лет через ее руки прошли тысячи чучел различных животных – от кенгуру до утконоса, от заурядного козла до вот этого поразительного результата эволюции – гепарда. Эбби иногда спрашивала себя: почему люди не заказывали чучела коров или овец? Скорее всего просто жалели денег на скучных, привычных домашних животных. Ей самой коровы с их большими грустными глазами казались очень красивыми.

Эбби вышла в вестибюль, где суетились носильщики. Рабочие приводили в порядок помещение и готовили к открытию после недельного ремонта. Несколько месяцев назад, после смерти бывшего директора, музей получил по завещанию крупную сумму, и теперь все здание постепенно обновлялось. Последние пятнадцать лет сотрудники постоянно пытались найти деньги на восстановление. В течение продолжительного времени из тридцати двух залов посетителей принимали только четырнадцать, а большинство небольших комнат второго этажа оставались закрытыми. Восемнадцать лет назад музей жестоко пострадал от пожара, подвело оборудование – старая электропроводка и неисправное защитное устройство. Почти четверть здания пришла в негодность. Владельцы не смогли сразу восстановить музей, а потому многие комнаты оказались закрытыми до лучших времен или использовались в качестве складских помещений. Построенный в XVIII веке музей неоготики и естественной истории собирал найденные в округе артефакты кельтского и римского периодов, а также хранил пеструю коллекцию старинных костюмов, окаменелостей и даже целый зверинец, состоящий из чучел различных животных. К счастью, ущерб от пожара оказался несущественным. Во время ремонта стены вестибюля покрасили в ярко-алый, едва ли не оранжевый цвет, казавшийся Эбби кричащим, безвкусным и абсолютно неуместным. Когда она начинала работать, в выставочных залах господствовали сохранившиеся с георгианской эпохи сдержанные серые тона. Теперь же, по замыслу прогрессивного дизайнера, каждое помещение должно было нести собственный колористический акцент, и, разумеется, входная зона принимала на себя

основную нагрузку. В итоге вместо колористического акцента получился удар по зрению.

– Эбби! – жизнерадостно окликнул мистер Лоустофт, директор музея.

Пожилой джентльмен напоминал доброго дедушку: круглые очки, румяные щеки, модный галстук-бабочка. С первого дня Эбби прониклась к нему симпатией, а директор не только сразу проявил расположение, но и позволил почувствовать себя на работе свободно и уверенно – как дома. Даже здоровался он так, словно приветствовал близкую родственницу. На всем белом свете лишь несколько человек умели это делать.

– Здравствуйте, мистер Лоустофт! – Эбби улыбнулась тепло и искренне, от души радуясь встрече.

В последнее время директор появлялся на работе реже, чем прежде: страшный диагноз диктовал определенные условия. Отремонтированный, обновленный, полностью действующий музей должен был стать его последним, прощальным детищем.

– Эбби, я надеялся встретить тебя здесь. Что скажешь? Нравится новый вестибюль? – Директор сиял гордой улыбкой.

– Просто потрясающе.

– Университет обратился с просьбой принять на стажировку одного из аспирантов, он пишет диссертацию об исторической консервации или чем-то подобном. Вот я и подумал, что лучше всего направить его к тебе.

– Ко мне? – удивилась Эбби. Она привыкла работать в одиночестве и другой судьбы не желала.

– Кстати, у меня есть и еще один сюрприз! Подойди-ка!

Мистер Лоустофт направился к громоздкому, накрытому чехлом предмету, и Эбби ничего не оставалось, как неохотно двинуться следом. Она ненавидела сюрпризы. Директор сдернул чехол, и Эбби увидела огромного самурая в

твердых кожаных доспехах, отполированных до зеркального блеска.

– Не понимаю, с какой стати мы храним шедевр наверху? Это один из моих любимых экспонатов.

На маске самурая застыла зловещая улыбка, а вместо глаз зияли черные дыры. Шлем венчали демонические красные рога – острые и угрожающие. Эбби уже забыла это ужасное лицо. Много лет подряд она старательно обходила экспонат самым дальним из всех возможных маршрутов, чтобы даже не думать о его существовании. Лицо поражало бесчеловечностью, а глазницы смотрели жуткой пустотой. Она попятилась. Нет, нельзя допустить приступа паники; надо как можно быстрее убежать, спастись.

– Здесь он выглядит безупречно. – Встревоженная и испуганная, она продолжала отступать.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, все в порядке. Просто устала, пора немного освежиться.

Эбби бросилась в ближайший туалет для посетителей, открыла кран и принялась умываться холодной водой. Лицо горело. Да, она очень не любила сюрпризы.

Вернулась в пустой вестибюль. Тишина музея обостряла одиночество, лишь откуда-то издалека едва слышно доносилась тихая музыка – постоянный фон. Эбби свернула за угол и едва не столкнулась с охранником.

– Суматошный денек? – Перед ней стоял Шон Корден. Искусственно осветленные волосы прилипли к блестевшему от пота лбу.

– Да. – Эбби попыталась обойти препятствие стороной, однако Шон не пропустил. В эту игру он играл исключительно потому, что Эбби она не нравилась.

– Прости, но мне необходимо готовиться к открытию. В запасе остается пара месяцев. Разве тебе нечем больше заняться?

– Не надоело? Изо дня в день возишься с мертвечиной. – Шон медленно втянул нижнюю губу и пристально посмотрел на ее рот.

– Нисколько.

Эбби снова попыталась увернуться, однако охранник придвинулся ближе. Теперь он стоял почти вплотную, так что отвратительный запах сигарет и алкоголя бил в лицо и не давал дышать. «Это всего лишь игра, он ничего не знает», – снова и снова мысленно повторяла Эбби, соображая, как лучше поступить: прямо посмотреть в наглые глаза или опустить голову. Хотелось сделать второе – но и Шону хотелось того же. Эбби решила держаться стойко, надеясь, что охранник не заметит за ее взглядом темноты. Единственное, к чему он стремился, – заставить ее выйти из себя. Ощутить хотя бы крошечную власть над человеком, от которого можно добиться реакции. Шону нравилось, что она легко пугалась и возбуждалась.

Он посмотрел ниже – на спрятанную под оливковой блузкой грудь. Эбби постаралась поменьше дышать, чтобы не давать пищи для новых идей. Легкие болезненно сжались, а рот мучительно приоткрылся ради глотка воздуха. Нет, лучше упасть в обморок, чем доставить ему удовлетворение. Так прошло несколько мгновений, и вдруг Шон отступил, не сводя глаз с ее тела.

– Что ж, желаю успехов.

Он улыбнулся, крепко сжал свою дубинку и несколько раз подряд провел пальцем по закругленному концу. Эбби медленно, незаметно выдохнула. Шон, конечно, мерзкий тип, но хотя бы этого не скрывает. Прежде чем она успела немного успокоиться, охранник исчез. Теперь можно было укрыться в своем темном уголке. Для одного утра общения вполне достаточно.

В полдень Эбби, как обычно, пошла в столовую музея на ленч и села за тот же стол, за который садилась всегда. Твердо заведенный ритуал присутствовал во всем, вплоть до коричневой вельветовой юбки – неизменной в конце недели. Тревога могла возникнуть из-за любой мелочи. К счастью, их музей не входил в число популярных и активно посещаемых. Если люди хотели что-нибудь узнать, то просто заходили в Интернет, и Эбби такой порядок устраивал. Сегодня она взяла сандвич с тунцом. Мистер Лоустофт объявил пятницу рыбным днем, пытаясь вернуть сотрудников в прошлое, когда люди еще соблюдали

определенные обычаи.

Эбби искренне любила свою работу и не представляла, что может заниматься чем-либо иным. Любила изо дня в день встречаться с одними и теми же людьми – хорошими и, если не считать Шона, вполне разумными. Любила проводить почти весь день в одиночестве, в компании мертвых животных.

– Здесь свободно?

С полным ртом Эбби посмотрела на незнакомца и постаралась побыстрее прожевать кусок сандвича. В столовой, кроме них, никого не было, так что сказать, что место занято, было бы невежливо. Ему просто нужен стул? Или он хочет сесть рядом?

– Да, – ответила она.

Человек поставил поднос и с улыбкой устроился напротив. Снял куртку и повесил на спинку: расположился основательно. Молодой худощавый мужчина с волнистыми черными волосами. Скорее всего старше ее – точно определить возраст нелегко. Выглядел он эксцентрично, странновато, а самой замечательной чертой казались глаза – холодные и серые, как граненое стекло. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не рассматривать выразительное лицо.

– Меня зовут Паркер. Паркер Уэст. – Он протянул руку через стол. Эбби провела пальцами по юбке, чтобы стереть следы майонеза. – Добрый день. Полагаю, вы – Эбигейл Лукас? – Молодой человек снова улыбнулся, а Эбби не смогла скрыть удивления: откуда ему известно, как ее зовут?

– Кто…

– О, значит, вам еще ничего не сказали? Я буду помогать разбирать хранилище. Окончил магистратуру по зоологической археологии, а сейчас работаю над диссертацией, – немного смущенно пояснил Паркер Уэст.

– Ах да, конечно. Мистер Лоустофт предупредил, но я не ожидала, что вы появитесь уже сегодня.

Эбби как раз успела закончить работу над разделами Австралазии[2 - Регион, включающий в себя Австралию, Новую Гвинею, Новую Зеландию и острова Тихого океана. – Примеч. ред.] и Южной Америки: внесла в каталог каждое животное, описала регион обитания и место в пищевой цепи. До сих пор ей одной принадлежало право решать судьбу неживых существ, лишь она приговаривала каждый из экспонатов к реставрации или уничтожению. При малейшей возможности старалась спасти зверя, хотя и ощущала бесполезность попыток: в мусоросжигательную печь – последнее пристанище – уже отправились более двух сотен так называемых единиц хранения. Хуже всего дела обстояли в северо-восточном углу музея, где уже давно протекала крыша, причем неисправность оставалась незамеченной. О спасении многих жителей этого края не приходилось и думать: плесень и гниль поселились там так прочно, что уничтожение представлялось единственным выходом. Эбби сомневалась, что готова разделить столь ответственную работу с незнакомцем.

– Директор сказал, что помощь вам не помешает. В музее хранится огромное собрание видов и подвидов: слишком много для того, чтобы один человек смог успеть за… два месяца, так ведь?

– Пока справляюсь, – возразила Эбигейл извиняющимся тоном и тут же осудила себя за возникшую неловкость.

– Да-да! Никто и не говорил, что не справляетесь. Честно признаться, я сам вызвался, причем согласился работать бесплатно. Видите ли, корплю над диссертацией. Не стану надоедать подробностями; скажу только, что окажете любезность, если позволите находиться рядом. Могу взять на себя экспертизу, и тогда у вас освободится время для реставрационной работы.

– Если полагаете…

– Решение остается за вами. Моя судьба целиком в ваших руках.

Паркер Уэст смотрел умоляюще и в то же время лукаво. Хотелось улыбнуться, однако улыбаться Эбби не собиралась. Люди редко оказываются теми, за кого себя выдают. Всегда лгут, прячутся под маской.

– Паркер, зовите меня Эбби, – наконец произнесла она после долгой паузы. Ничего не поделаешь, придется смириться.

– Рад знакомству, Эбби! – Он сдержанно улыбнулся и набросился на ленч, явно торопясь увидеть ее мертвых друзей.

Она вспомнила всех животных, которых уже осмотрела в одиночестве, и решила, что, вероятно, мир пока не рухнул окончательно. Появление сотрудника вовсе не означало, что мистер Лоустофт ей не доверяет. Нет, речь шла лишь о том, что отныне можно не торопиться и не беспокоиться о стремительном приближении тех суровых сроков, какие Эбби сама себе назначила. Труднее всего далось решение судьбы одного маленького зверька с уничтоженным сыростью инвентарным номером. Она не знала, кто это, и не могла найти определение ни в одной из доступных энциклопедий. Наверное, самка попала в чужую часть света, но шансов на спасение уже не оставалось. На принадлежность к женскому полу указывали соски, все еще увеличенные недавним рождением детенышей, а о печальной судьбе свидетельствовала маленькая дырочка в груди – отверстие от пули. Щеки жестоко пострадали от укусов термитов, но черные глаза оставались удивительно спокойными. Едва Эбби прикоснулась пальцем к ране, как оттуда выполз паук. Она в ужасе уронила зверька, и мордочка окончательно разбилась. Рыдая, прилепила на шерстку красный стикер, а потом долго думала, постигла ли детенышей печальная участь матери или им все-таки удалось выжить – хотя бы на некоторое время? Интересно, успели они вырасти и обзавестись собственным потомством? Хотелось думать, что да.

Закончив ленч, Эбби повела Паркера туда, где хранились все обитатели Азии, заметив, как вспыхнули и засветились восторгом его глаза, словно ребенок впервые попал в магазин игрушек и теперь не может решить, с чего начать, какую вещицу сломать в первую очередь.

– Идите за мной!

Она направилась в дальний конец зала. Голос отозвался гулким эхом, а шаги отчетливо застучали по полированному деревянному полу. Освещение исходило от двойного ряда зеленых стеклянных брусков, вставленных в отверстия, оставшиеся от окон, в свое время загороженных щитами, а после пожара заставленных громоздкими металлическими стеллажами. В отличие от дерева металл не горит. В результате комната превратилась в бокал ликера шартрез, а ее содержимое окрасилось в бледно-зеленые тона. Сквозь вентиляционную решетку под потолком проникала музыка. Одна и та же мелодия звучала постоянно, с первого дня работы. Эбби не знала, что это за произведение и как

называется, но понимала, что музыка классическая, и порой слышала ее даже во сне. Она взглянула на Паркера и увидела: тот пытался освоиться в новом мире, внимательно смотрел по сторонам и восхищенно восклицал.

– Невероятно! – пробормотал он, и Эбби показалось, будто оценка не предназначена для оглашения, а вырвалась импульсивно.

Обычно, узнавая, чем именно Эбби занимается, люди кисло улыбались и произносили нечто вроде «как мило», причем неискренне. Мысль о набивке чучел всем была отвратительна, хотя сути вопроса никто не знал и не понимал. Реакция Паркера внесла приятное разнообразие. Эбби гордилась своей профессией – тем единственным, что имела.

– Мы руководствуемся подобием простейшей десятичной системы: две первые цифры соответствуют континенту, три следующие обозначают вид, а затем…

– Да, принцип мне знаком.

– Извините.

– Вовсе не хотел показаться грубым. Прошу, не обращайте внимания на мой… характер. Порой бываю несколько… Спасибо за то, что нашли время все объяснить. Продолжайте, пожалуйста. – Паркер Уэст бормотал так смущенно и трогательно, что сдержать улыбку Эбби не удалось.

– Необходимо зарегистрировать каждое животное вот в этом реестре в соответствии с классификацией, а потом решить, подлежит оно реставрации или нет. Все, что может быть восстановлено, получает желтый стикер, а то, что восстановлению не подлежит, помечается красным. – Она передала Паркеру пачку наклеек.

– Восстановлению подлежит абсолютно все, – задумчиво промолвил он, не отводя взгляда от разноцветных листков.

Эбби внимательно посмотрела ему в лицо: бледная кожа контрастировала с черными волосами, а мягкие кудри нарушали резкую геометрию лица. Паркер поднял голову и вздохнул, словно забыв, что рядом кто-то есть.

Потом Эбби наблюдала, как он работает. Взявшись за дело, Паркер не произнес ни единого слова, иногда что-то невнятно бормотал, но в целом она по-прежнему оставалась в одиночестве. Молчание не казалось напряженным или неловким – просто обоим было удобно работать в тишине. Время от времени Паркер доставал из кармана потертую записную книжку, что-то быстро помечал и снова прятал. Эбби пыталась угадать, что он стремится сохранить в памяти и какие проблемы решает в своей диссертации.

День клонился к вечеру, и свет в зале стал оранжевым, приняв и впитав мягкие закатные лучи.

– Паркер! – в четвертый раз позвала Эбби, желая привлечь внимание, однако прилежный сотрудник продолжал самозабвенно что-то писать.

Наконец он поднял голову и взглянул почти испуганно, но уже в следующее мгновение лицо смягчилось, а на губах появилась улыбка. Казалось, кошмар рассеялся, и он снова вернулся к реальности.

– Который час? – Паркер с удивлением посмотрел наверх, на окна, окрашенные в теплые сумеречные тона.

– Уже семь. Никогда не задерживаюсь так поздно, но сегодня мы сделали очень много. Спасибо за помощь.

– Семь? Вот это да! Мне срочно нужно домой.

– Простите, надо было раньше отвлечь вас. Жена, наверное, волнуется.

– Да, Салли скучает… а еще проголодалась и хочет гулять. – Он заметил сконфуженное лицо Эбби и усмехнулся: – Салли – это моя собака.

Эбби покраснела. Не дай бог, он подумает, будто она пытается что-нибудь выведать. Никогда и ни за что. Даже мысли подобной не приходило в голову.

После ухода Паркера музей опустел. Эбби собралась домой. Спустилась в вестибюль и увидела самурая: в полной боевой готовности, держа руку на кривом мече, тот замер в своем стеклянном футляре, внушая ужас. Хотя воин

оставался неподвижным и не мог никому причинить зла, от пустого черного взгляда стало жутко.

– Все еще здесь?

Эбби обернулась и увидела Шона: тот стоял почти вплотную, держа в руках рубашку. Белая майка позволяла изучить историю его жизни, записанную в виде татуировок. Здесь присутствовали все положенные элементы: розы с шипами, таинственные, непонятные символы, доставшиеся по наследству фамильные знаки. Поигрывая мускулами, парень начал медленно надевать рубашку. Чего он добивался? Хотел напугать? Напрасно: даже наедине Эбби его не боялась.

– Как раз собираюсь уйти. – Она шагнула к двери.

– Видел тебя с этим чудиком, новеньким. – Шон улыбнулся и, застегивая пуговицы, заметил: – Он слишком хорош для тебя, надеюсь, ты это понимаешь?

Эбби положила руку на сумку, чтобы при необходимости быстрее сунуть пальцы внутрь. Инструменты она всегда носила с собой, в том числе и скальпель. Он даже не почувствует, как острое стальное лезвие вонзится в кожу: увидит кровь и схватится за горло, мечтая поскорее умереть, чтобы не мучаться. Эбби точно знала, куда нужно вонзить оружие, чтобы все закончилось быстро. Она хорошо обращалась со скальпелем. Интересно, оставит ли кровь пятна на этих ужасных алых стенах? Эбби убрала руку и открыла дверь.

– Не забудь запереть! – деловито распорядилась она и с бьющимся сердцем выскользнула на крыльцо. Посмотрела вниз, на тротуар, и увидела Паркера. – Кажется, вы собирались домой?

– Подумал, что вы остались в музее с Шоном, но потом понял, что он вас не интересует.

– Почему поняли? – уточнила Эбби, спускаясь по ступенькам. Ей не нравилось, что кто-то мог догадываться о ее мыслях и переживаниях – от этого возникало неприятное чувство беззащитности.

– Невольно замечаю подобное, – спокойно пояснил Паркер и глубоко вздохнул. – Решил проводить вас домой, ведь почти стемнело.

– А как же собака?

Эбби обернулась в сторону музея и заметила торопливо выходящего Шона. Охранник осмотрелся, увидел ее и заметно обрадовался, но уже в следующий миг в поле зрения попал стоявший рядом Паркер. На лице отразилось разочарование, а кривая усмешка уступила место хмурому враждебному взгляду.

– Ничего, Салли немного потерпит. Мы понимаем друг друга. – Паркер улыбнулся и пошел рядом, не обратив внимания на Шона.

Эбби посмотрела через плечо: охраник направился в другую сторону.

Следующие несколько недель Эбби и Паркер работали молча. Энтузиазм помощника не истощался; каждый день он приходил рано и погружался в классификацию видов и подвидов. Голода и усталости не испытывал, регулярно пропускал ленч, а вечером поджидал Эбби на улице и провожал до дома. Никогда не досаждал глупыми вопросами и пустой болтовней, постоянно думая о своем. На работе часто вынимал записную книжку. Порой Эбби с улыбкой наблюдала, как прилежный сотрудник спешит записать важные детали.

– Но почему вы решили прийти именно сюда? Многие музеи обладают большими архивами, даже более богатыми, чем наш, – однажды спросила она, осмелившись нарушить молчание, когда наступило время ленча. Эбби уже привыкла приносить в пыльный зал два сандвича: оставлять Паркера голодать в одиночестве не позволяло чувство вины.

– В детстве родители часто приводили меня сюда, и все казалось интересным. Я обожал реконструкции римского завоевания, знал найденные в округе древности. Но ничто не будит мысль и воображение так, как животные. Часами рассматривал диорамы и забывал обо всем на свете. Одна из скамеек стояла напротив витрины с макетом африканской пустыни, где лев вонзил зубы в буйвола. И вот я сидел и воображал себя то охотником, то жертвой, пытался понять ощущения каждого из участников драмы, а однажды задумался, можно

ли стать одновременно и тем, и другим. – Паркер с усилием сглотнул и закрыл глаза, не в силах стряхнуть воспоминания, а потом глубоко вздохнул, заставив себя улыбнуться. – Вот тогда-то все и началось, я понял, чем хочу заниматься в жизни. Это был момент открытия, так что музей занимает особое место в моем сердце. – Голос звучал отрешенно. Эбби живо представила и его воспоминания, и радость от встречи с прошлым, и что-то еще – привычную печаль, грустное смирение.

– А я мечтала стать ветеринаром, но вылетела из университета и оказалась здесь. – Она откусила сандвич и принялась методично жевать, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего, о чем потом придется жалеть.

Своей простотой и искренностью Паркер притягивал и увлекал так, как уже давно никто не увлекал. Манерой двигаться и говорить он напоминал ребенка, но порой – вот так, как сейчас – вдруг погружался в странную, не поддающуюся точному определению меланхолию, и тогда хотелось успокоить, сказать, что все обязательно будет хорошо. Эбби понимала, что утешение сродни лжи, но в то же время чувствовала, что Паркер нуждается в поддержке. Вот только не знала, что его мучит. Общение давалось легко, и скоро Эбби начала доверять добровольному помощнику, хотя знакомство продолжалось совсем недолго. Паркер Уэст не походил ни на одного из тех мужчин, которых ей доводилось встречать в жизни. Правда, Эбби уже давно не встречала никого нового.

– В чем дело? – спросил Паркер.

Эбби покраснела и отвела взгляд:

– Простите, просто не привыкла работать в компании. Обычно сижу здесь одна. Вовсе не хотела сверлить вас взглядом.

Он просто понимающе улыбнулся. Не стал развивать скользкую тему, однако было уже поздно: щеки предательски пылали.

Остаток дня прошел без разговоров и происшествий, а ровно в пять часов Паркер простился и ушел. Эбби испугалась, что обидела чересчур прямым вопросом: вдруг ему неприятно, больно возвращаться в прошлое? Да, опыта общения с людьми, а особенно с мужчинами ей не хватало. Когда она наконец закончила работу и вышла, Паркер стоял, прислонившись спиной к фонарю, и

сосредоточенно изучал записи в своем драгоценном блокноте. Однако стоило ему поднять голову и увидеть Эбби, как напряжение растаяло, уступив место широкой улыбке. На мгновение Эбби ощутила себя желанной. Давно она не испытывала ничего подобного. Если посчитать, пять лет. Пять лет миновало с тех пор, как она оставила университет и начала жить заново.

Глава четвертая

Первокурсница

Тогда

Радио что-то бормотало. Едва слышно, но в то же время достаточно громко, чтобы подавить возможный страх одиночества. В окно светил фонарь, мешая успокоиться и расслабиться. Эбби всегда плохо спала и считала этот недостаток тем более постыдным, что никакого участия в социальной жизни не принимала.

Она посмотрела на кровать Дэни, соседки по комнате: пусто и аккуратно убрано. Проклятие хорошенькой девушки. Даниэла украсила свою постель индийским сари в пурпурных и золотых тонах. Даже яркие постеры на ее стене были вставлены в изящные рамочки и развешаны с особым шиком – не то что потертые плакаты с загнутыми уголками на противоположной стороне комнаты.

Дэни рывком распахнула дверь, влетела, словно на крыльях, шлепнулась на кровать, сбросила туфли и со счастливой улыбкой заявила:

– Я встретила человека, за которого выйду замуж!

Эбби села в постели. Когда она впервые увидела Даниэлу, то, сама того не замечая, натянула свитер, стараясь спрятаться, и сразу поняла отведенную ей роль неприглядной чудачки, которой выпало жить в одной комнате с горячей девчонкой. Но хуже всего было то, что Даниэла оказалась едва ли не самым милым человеком на свете – возможно, потому, что обладала безупречной внешностью и была абсолютно уверена в себе. Они сразу подружились.

– Его зовут Кристиан, он просто чудо, а встретились мы в баре.

– Кристиан Тейлор? – Разумеется, Эбби знала это имя. Еще бы! Каждая девушка в университете знала Кристиана Тейлора.

– Только представь! Он дал мне номер своего телефона! На этой неделе обязательно встретимся! – восторженно взвизгнула Даниэла.

Кристиан считался лучшим парнем университета – трофеем, призом. Ради него стоило надеть рискованно короткую юбку и причесаться с особенной фантазией. Его бесплатно пускали в самые крутые бары, официантки приносили ему коктейли за счет заведения, а управляющие делали вид, будто ничего не замечают, потому что знали: вслед за этим парнем девчонки прибегут толпой. Эбби не сомневалась, что Даниэла специально подстроила так, что Кристиан не смог ее не заметить. Скорее всего они просто столкнулись на узкой дорожке. Таким образом, Дэни только что единым махом перепрыгнула через несколько ступенек безжалостной социальной лестницы.

Утром Эбби проснулась, когда Даниэла была в душе. Посмотрела на часы и поняла, что проспала. Подскочила, торопливо натянула лежавшую на полу возле кровати вчерашнюю одежду и принялась искать куда-то пропавший левый армейский ботинок.

– Привет!

Она резко обернулась на голос, заметила в дверях Кристиана и застыла с бьющимся сердцем. Никогда еще ей не доводилось видеть такого красивого парня. Ему было двадцать лет. Светло-русые волнистые волосы спадали на плечи, обрамляя безупречно правильное лицо. Впервые в жизни Эбби ощутила откровенное сексуальное желание. Одного взгляда хватило, чтобы забыть обо всем на свете. За спиной красавца нервно маячил приятель Джейми, сознавая, что сравнение не в его пользу и разрываясь между ревностью и поклонением.

– Доброе утро, – наконец пролепетала Эбби. – Дэни в душе.

– А ты, наверное, Эбби? – Кристиан слегка поклонился, пожал ей руку и улыбнулся так, что у нее подогнулись колени. Даже лучшие друзья с трудом запоминали ее имя.

В этот момент появилась Дэни с мокрыми волосами и блестящей от горячего душа идеально загорелой кожей.

– Привет! Не ожидала увидеть тебя так скоро! – Она захихикала. Обычно Даниэла предпочитала владеть ситуацией, однако на сей раз уступила первенство мужчине, а сама притворилась недалекой, наивной блондинкой.

Джейми решительно не желал хотя бы признать присутствие Эбби. Все его внимание сосредоточилось на Даниэле: на нее он смотрел, как на богиню. Парней вроде Джейми Эбби знала хорошо. Выглядел он заурядно. Назвать его страшным было бы несправедливо, но и смотреть дважды не хотелось. Судя по всему, данное обстоятельство порождало неуверенность и злобу. Ему были нужны все Даниэлы на свете, а вовсе не Эбби, и оттого перспектива провести жизнь в одиночестве вполне могла оказаться реальной. Девушка служила для Джейми свидетельством успеха, а потому от нее требовалось лишь одно: прекрасно выглядеть. Он мечтал, чтобы другие мужчины завидовали ему, как сам он завидовал Кристиану. Роль лучшего друга Адониса не просто тяжела, но и мучительна. Эбби это знала, поскольку сама состояла при Даниэле таким же Джейми и не желала иметь с ним дело. Не хотела слышать, что такие люди, как Дэни и Кристиан, не для нее.

Летний семестр уже вступил в свои права, и экзаменационная лихорадка не жалела никого. Вечеринки оставались единственным способом снять стресс для тех, кто добросовестно учился, а лентяям служили отличным поводом отложить в сторону конспекты и книги. В общем, выигрывал каждый. Летом в университете процветало братское единство: все сочувствовали трудностям и амбициям друг друга. Семестр продолжался недолго, и кампус нередко пустовал. Для теплого дня Эбби оделась на редкость нелепо: в узкие потертые джинсы и белый вязаный джемпер – причем не чисто белый, а слегка посеревший от стирки. Одежда не могла исправить ни по-детски розовые щеки, ни мышиного цвета волосы. Правда, под тусклой экипировкой скрывалась недурная фигура, но догадаться об этом было невозможно. Одним словом, костюм больше подходил для собрания Женского института.

– Эбби, подожди!

Она не успела выйти из комнаты: Кристиан бросился навстречу, остановил, и от этого собственная внешность показалась еще более нелепой. Если бы можно

было, подобно супергерою, заскочить в телефонную будку и через мгновение выйти в чем-нибудь красивом, модном, привлекающем внимание! Увы, чудес на свете не бывает…

– Привет, – снова беспомощно пролепетала она, не зная, что сказать. Признание «я тебя люблю», пожалуй, прозвучало бы слишком смело, особенно в данной ситуации.

– Сегодня у меня вечеринка. Дэни придет, и ты тоже обязательно приходи.

Ответить отказом на персональное приглашение было нельзя. При всем желании она бы себе этого не позволила, а потому решила, что лучше сразу согласиться.

– Классно. – Как ни старалась Эбби произнести что-нибудь весомое и значимое, ничего, кроме односложных ответов, в голову не лезло.

Эбби смотрела на себя в зеркало и думала, что даже если наберется смелости и явится на вечеринку в бикини, в звездном сиянии Даниэлы ее присутствия все равно никто не заметит. Она ненавидела себя за внезапный приступ зависти, но почему-то именно сегодня захотелось узнать, каково это: чувствовать себя единственной и желанной.

– Возьми вот это. – Дэни достала из шкафа фиолетовое платье. – Оно мне всегда приносит удачу.

Эбби провела ладонью по тонкому шелку и представила, как он обтянет далеко не худенькие бедра. Они с Даниэлой носили один и тот же размер; разница заключалась в степени уверенности в собственной неотразимости. Фиолетовое платье оставляло спину открытой и к тому же было значительно короче всего, что осмеливалась надеть Эбби.

– Тебе не кажется, что я буду выглядеть, как…

– Как кто? – Дэни усмехнулась, и Эбби поняла, что надо тщательнее подбирать слова.

– Не знаю. Может, так, будто стараюсь стать тобой? Одинокая белая женщина…

– Неужели тебя действительно волнует, что подумают эти люди?

Эбби понравилось, что Дэни назвала своих приятелей «эти люди». Она всегда давала собеседнику почувствовать, что тот для нее много значит, даже если на самом деле это не так. Возможно, оттого вокруг нее крутилось много друзей. В начале знакомства Дэни показалась совершенно прозрачной – что снаружи, то и внутри, – однако чем больше времени девушки проводили вместе, тем яснее Эбби видела в приятельнице проницательного и жесткого политика, любящего оставлять себе открытый выбор, никого не обижая и неизменно сохраняя суверенитет. Эбби следовало быть особенно осторожной, ведь она не умела прятать собственных намерений, опасно раскрывая карты и подставляя себя под удар.

Эбби надела платье, сознавая, что подобный стиль не предусматривает наличия бюстгальтера. Соски моментально натянули тонкую ткань: даже легкого движения будет достаточно, чтобы откровенно продемонстрировать женственные формы. Особого воображения зрителям не потребуется.

– Джейми стразу потеряет голову, – сияя улыбкой, заявила Даниэла.

Джейми. Отлично. Эбби точно знала, что Джейми никогда не увидит в ней чего-то иного, кроме утешительного приза. Сама же она старалась игнорировать очевидный факт, что Джейми ее совершенно не интересовал просто потому, что не был достаточно хорош. Не был Кристианом.

Упоминание заветного имени – пусть всего лишь мысленное – вызвало угрызения совести. Интересно, дала бы Дэни платье, если бы знала, о чем подруга думает? Наверняка дала бы: она не боялась, что кому-нибудь удастся увести у нее мужчину. И уж тем более не видела соперницы в Эбби.

Глава пятая

Бизнесмен

Йен нервно взглянул на аудиторов. Эксперты сидели в стеклянном конференц-зале с озадаченными лицами и обсуждали столбцы цифр, пытаясь докопаться до сути отчетов. Ревизия продолжалась вторую неделю; еще немного, и специалисты найдут источник проблемы, а потом поймут, до какой степени Йен запутался во лжи. В математике он был силен. По-настоящему. Вероятно, даже слишком силен и оттого фанатично верил в непогрешимую силу формул, в существование математического разрешения каждой сложной ситуации. Чрезмерная уверенность привела к краху. Йен не переставал удивляться, как долго ему удавалось держаться на плаву. Множество раз он переступал границы дозволенного, видел, что никто не замечает нарушений, и снова рисковал – до тех пор пока окончательно не вышел из-под контроля.

Йен попытался прочитать по губам, о чем идет речь, и понять, скоро ли аудиторы обнаружат поддельные счета. Один из них поднял голову, посмотрел ему в лицо и положил ладонь на стопку бумаг, словно загораживая от нескромного взгляда. Несколько лет назад Йен воспользовался удобным случаем и приобрел бизнес по торговле недвижимостью, балансировавший на грани провала. Хотя он считался владельцем фирмы, отчетов перед акционерами никто не отменял, а тем не нравилось, когда их деньгами рискуют – слегка или всерьез. Йен набрал займов под залог бизнеса, а деньги потратил по собственному усмотрению – на самые разные цели. Он твердо верил, что разработанная система способна утроить доход прежде, чем кто-либо заметит отсутствие денег. Пара операций действительно прошла успешно, но значительная часть с треском провалились. Чтобы заплатить долги, пришлось занимать деньги у друзей и знакомых. Если бы хватило осторожности остановить аферу раньше, то скорее всего из ловушки удалось бы выпутаться, однако именно осторожности Йен был лишен из-за изощренного ума и непомерной уверенности в собственной непогрешимости.

– Мистер Маркхэм?! – Секретарша, на шестом месяце беременности, стояла, прижимая к животу коробку с документами. Йен взглянул и почувствовал, как леденеет кровь.

– В чем дело, Эмма?

– Вот, обнаружила это в дальнем углу прежнего офиса Дона. Наверное, случайно забыл. Отнести им?

С широкой улыбкой Йен выхватил коробку:

– Нет, лучше идите на перерыв! На сегодня упражнений в поднятии тяжестей достаточно. Сам отнесу.

– Спасибо. – Ничего не подозревая, секретарша спокойно вернулась к своему столу, чтобы забрать сумку и отправиться на ленч, а Йен, из последних сил сдерживая панику, направился в сторону конференц-зала, однако в последний момент свернул к лестнице и побежал вниз.

Прижимая к груди коробку с компрометирующими бумагами, перескакивая через несколько ступенек и едва не падая, спустился к автостоянке. Год назад он начал строительство на Мальте: курортный комплекс с выходом на пляж, роскошными апартаментами и доком для яхт в удобной прилегающей бухте. Сделка состоялась, что называется, с колес. Хотя сам Йен не понимал смысла данной поговорки, она удивительным образом работала, когда он рассказывал о проекте людям, показывал планы, документы и официально подтвержденные отзывы архитекторов. Квартиры продали заранее и по очень высокой цене, а доходы должны были покрыть сложность проекта. Во всяком случае, в этом заключалась идея. Проблема же состояла в том, что, прежде чем начать торговлю зданиями, Йен продал землю под ними вместе с разрешением на строительство и далее оформлял сделки на то, чем уже не владел. Рассчитывал, что даже если придется отвечать, международные бюрократические процедуры протянутся несколько месяцев, а до этого никто не узнает о мошенничестве. Отмыв деньги в фиктивной фирме, приобрел фондовые опционы, однако потом принял несколько ошибочных решений и в результате прогорел, оставшись в огромных долгах.

Он посмотрел на висевший на стоянке плакат. «Скажи “нет” наркотикам!» – призывала надпись, появившаяся после того, как в округе начали борьбу с хулиганством не знавших меры подростков. Наркомания представлялась Йену меньшим злом: сам он потерял значительно больше денег, причем за короткое время. Сотню на собак, тысячу на лошадей, потом бесполезные рискованные акции на десять тысяч фунтов. Траты росли стремительно и непредсказуемо. Так случается, когда человек не признает существования проблемы, перестает контролировать ее, и она начинает руководить его действиями.

– Черт, – пробормотал Йен, пытаясь достать из внутреннего кармана пиджака ключи от своего «Астона».

Коробка упала в лужу, бумаги рассыпались. Он поспешно сгреб их обратно и отпер дверцу машины. Засунул коробку под пассажирское сиденье, а сверху бросил пиджак. Завел мотор и тронулся с места, поглядывая в зеркальце заднего обзора, желая убедиться, что за ним не следят. Во время ленча никто не заподозрит побега, а потом будет поздно. Йен выехал из города, чтобы укрыться в своем любимом, перестроенном из старинного амбара доме, уютно примостившемся в одной из узких долин среди холмов Девоншира.

В дороге его терзало раскаяние. Нет, не из-за денег; деньги он забрал, потратил и ничуть об этом не жалел. Более того, в глубине души теплилось облегчение: наконец-то все закончилось. Раскаяние возникло по отношению к жене Дебби, ведь они вместе любовно реставрировали свой амбар – когда еще не было ни денег, ни работы… ничего. Однажды Дебби отправилась за покупками и обнаружила, что совместный счет заблокирован. Позвонила в банк, чтобы узнать, что произошло, и выяснила: баланс не просто равен нулю, а в минусе. Спросила мужа, и тот солгал, заверив, будто произошла какая-то ошибка, и на следующий день пополнил счет, но не своими деньгами, а чужими. Дебби успокоилась и больше интереса не проявляла – до тех пор, пока случайно не открыла письмо, в котором говорилось о займе под залог собственности для выплаты долга по другой закладной на ту же собственность. Йена предупреждали, что, если он не внесет нужную сумму, недвижимое имущество конфискуют. Дебби позвонила в банк и услышала, что муж занял огромные деньги, выставив в качестве гарантии их общий дом. Не потребовалось особых хлопот, чтобы узнать: виллу на юге Франции уже постигла печальная участь.

Йен свернул на подъездную аллею и увидел на лужайке догоравший костер. Дебби забрала всю мебель, оставив лишь обеденный стол. Этот дубовый, сделанный по особому заказу стол делил с ними радости и беды, и вот теперь, расколотый на дрова, тлел прямо перед домом.

Он обернулся, чувствуя на себе взгляды, хотя точно знал, что никто за ним не следит. Мания преследования неумолимо нарастала. Йен уже давно приобрел привычку озираться и посматривать через плечо. Адреналин переполнял кровь. Порой он спрашивал себя, что произойдет, когда его все-таки поймают. Теперь, когда Дебби ушла, ни одна живая душа о нем не вспомнит. А те, кто вспомнит, выстроятся в очередь, чтобы вонзить в спину нож. Йен взглянул на величественный дом, который все еще обожал, поразился, как удалось создать подобное великолепие. Он умен, не так ли? Посмотрел вокруг, на принадлежавшую ему землю, и с особой остротой осознал, что ее тоже заберут.

Пропадет и сад, и небольшой лес, и поле за участком, купленное специально для собак. Впрочем, собак Дебби тоже забрала. Если бы Йен не потерял все, она получила бы половину дома и половину земли. Точнее, и дом, и землю целиком, ведь без нее ему ничего не нужно. Вот и сейчас не хотелось заходить в дом, даже чтобы переночевать. Там было холодно и одиноко: не просто пусто, а пустынно. Да и прилечь было негде: Дебби увезла все кровати и диваны.

Йен вытащил коробку из машины и отнес к сложенной на лужайке куче хлама. Да, сам он тоже когда-то пользовался уважением, а теперь оказался бесполезным и никому не нужным. Посмотрел на заброшенный сад, снова подумал о Дебби и вылил на кучу бутылку жидкого парафина. Пусть лужайка испортится, как испортилось все вокруг после того, как она ушла. Ушла любовь. Йен чиркнул спичкой, и огонь жадно набросился на воспоминания, все еще сохранившиеся в обломках стола. Раньше – когда не было другой мебели – они сидели за этим столом, мечтая о доме и о будущей жизни. Пламя поднималось все выше и выше, по сравнению с оранжевыми языками бледно-голубое небо казалось светлее, а жар волнами выплескивался в воздух.

Йен снял крышку, бегло пролистал бумаги, желая убедиться, что все важное на месте, и бросил коробку в костер. Огонь мгновенно поглотил и емкость, и содержимое. В наши дни поддаются восстановлению даже документы, измельченные в специальном аппарате. Учитывая огромную сумму долга, кредиторы не остановятся перед самыми кропотливыми и трудоемкими расследованиями. Йен сунул руку в карман и достал запасную флэшку. Финансовый советник рекомендовал не хранить на рабочем диске ничего «горячего», а завести отдельный накопитель. Опытный специалист не стал объяснять, что имел в виду под «горячими» данными, но, учитывая особенности своей деятельности, Йен решил, что речь идет о финансовых тонкостях, а не о жестком порно. Впрочем, правило полезно и в этом случае тоже.

– Привет!

Йен обернулся и увидел высокого человека в черном. Тот стоял, прислонившись к воротам. Глубоко натянутый капюшон скрывал лицо. Аудитором он точно не был.

– Что вам нужно?

– В твоем распоряжении две минуты. – Человек выпрямился и посмотрел на часы. – Точнее, сто восемнадцать секунд.

– Две минуты до чего? Кто вы, черт возьми, такой?

– Сто двенадцать. Сто одиннадцать.

Йен растерянно взглянул и вдруг увидел в руке незнакомца арбалет:

– Вы сумасшедший?

– Сто семь. – Человек поднял арбалет и прицелился в голову. Йен увидел оружие в деталях: стрелу венчал наконечник в форме звезды. Такой ему уже доводилось видеть много лет назад.

– Ты?

– Сто одна.

Йен не стал дожидаться продолжения и побежал. Худым он не был, но регулярно посещал спортзал и поддерживал отличную физическую форму. Йен не сомневался, что сможет бежать достаточно быстро – хотя бы для того, чтобы добраться до леса и спрятаться среди деревьев. Оглядываться не стал: не хотел видеть, близко ли преследователь.

Он перелез через изгородь и наконец-то оказался в спасительном лесу, где знал каждую горку и ямку, каждый укромный уголок. Обернувшись, увидел, как черный человек неторопливо, уверенно шагает по полю. Улыбнулся и побежал дальше, запас времени позволял пока держаться на тропинке, не углубляясь в заросли. Миновал еще сотню ярдов, когда внезапно раздался щелчок, и нестерпимая, нечеловеческая боль пронзила насквозь. Йен упал и закричал в агонии, а когда посмотрел на ноги, то увидел, что в лодыжку вонзился охотничий капкан. Из глубокой раны ручьем текла кровь, торчали кости и сухожилия. Он с трудом сел, обеими руками раздвинул железные щипцы и со стоном вытащил изуродованную ногу, краем глаза наблюдая, как преследователь перелезает через изгородь.

Не сдерживая слез, Йен встал, и попытался бежать дальше, хотя уже ясно понимал, что все кончено. Раздался характерный, хорошо знакомый звук арбалетного выстрела, и за те мгновения, пока летела стрела, Йен глубоко вдохнул, закрыл глаза и приготовился встретить смерть. Однако стрела попала в плечо. Он ощутил резкий толчок и упал. Услышал, как шелестят листья, заметил, как приближаются черные сапоги, и потерял сознание.

Очнулся Йен от ледяной воды на лице и сразу почувствовал, что болит не только нога, но и запястья. Повернул голову и увидел, что распят между двух деревьев в стороне от нахоженной тропы.

– Что тебе от меня надо?

– Неужели нужно что-то объяснять?

– Я уже совсем не тот человек, я изменился, – срывающимся голосом произнес Йен. Жестоко мучила жажда.

– Зато я еще тот самый, кем ты меня сделал, Йен… о, простите, мистер Маркхэм, сэр.

Имя прозвучало с откровенной ненавистью.

– Не называй меня так.

– Почему? Вы многому научили меня, сэр, и выразить почтение просто необходимо.

– А как насчет других? – Йен опустил голову и увидел, что рубашка разорвана. Посмотрел ниже: из раненой ноги струилась кровь. – Почему я не чувствую ногу?

– Хватит разговоров! – Человек приблизился, вонзил в живот нож и невозмутимо разрезал поперек.

Йен закричал, но не от боли. Он чувствовал все, кроме боли. Видел, как хлещет кровь; ощущал, как палач засовывает руку в рану на животе и шевелит пальцами. Но боли не было.

– Какого черта ты со мной сделал?

– Ввел анестезию, чтобы ты не потерял сознание. Сделал инъекцию в спинной мозг. Шоу продолжается. – Мучитель вытащил из живота Йена тонкую окровавленную трубку. – Поздравляю, это мальчик.

Только сейчас Йен понял суть зловещего замысла. Палач привязал конец кишки к крючку, подошел к укрепленному вертикально длинному металлическому пруту и повернул колесо, запуская в действие механизм пытки. Колесо начало медленно вращаться, потянуло за собой проволоку с крюком и нацепленным на него кишечником. Йен увидел, как собственные внутренности методично наматываются на железный стержень. Палач поднял с земли арбалет и пошел прочь.

– Ты не можешь бросить меня здесь! Лисы съедят заживо!

– Считай, что легко отделаешься, если они сожрут тебя прежде, чем закончится действие анестезии. У тебя в запасе восемь часов.

– Сумасшедший! – крикнул Йен и заплакал.

Сгущались сумерки. Внезапно тюрьма для «белых воротничков» показалась желанным местом. Он знал, что если полицейские придут к нему домой, то обнаружат билет на самолет в Южную Америку и решат, будто он сбежал. Именно так собирался поступить бизнесмен Йен Маркхэм. Никто не объявит розыск, а в этом лесу люди появляются редко, и шанс быть обнаруженным в течение часа практически равен нулю. Единственная надежда на спасение только что скрылась из виду. Йен остался в полном и безысходном одиночестве.

Глава шестая

Вдова

– Очнись, перерыв закончен. Пора за работу. – Грей со стуком поставила перед Майлзом чашку противного, чуть теплого кофе. Отпила из своей кружки и поморщилась. – Какая-то женщина постоянно звонит, говорит, что муж опустошил все ее счета и пропал.

– Вот почему я больше никогда не женюсь.

– Правильно. – Она потянула стул, чтобы его ноги свалились со стола. – Поехали. По дорогое куплю тебе настоящий кофе.

– Черт возьми, всегда так. – Эдриан встал. После вчерашнего голова отчаянно болела. – За руль придется сесть тебе.

– За руль несомненно придется сесть мне. – Она забрала у него ключи от машины.

Несмотря на первое впечатление, сержант уголовной полиции Грей оказалась сотрудником чрезвычайно мотивированным. Да что там – раздражающе мотивированным. К любому заданию, будь то мелкое хулиганство или вооруженное нападение, относилась с равным вниманием и профессионализмом. Вместе они работали уже три недели и успели поделить роли: Майлз позволил напарнице командовать, а она, в свою очередь, сделала его мишенью бесконечных шуток. Положение вполне устраивало обоих. Эдриан впервые работал с женщиной. Прежде приходилось делить службу с сержантами Майком Дэниелсом и Джонатаном Фрейзером. Надо сказать, что особой любви к командной игре он никогда не испытывал, но сейчас понимал, что выбора нет. За каждым шагом пристально следило начальство, и наживать новых врагов Майлз не имел права. К тому же сотрудничество с сержантом Грей сложилось само собой: они сразу подошли друг другу.

Сев в полицейскую машину без опознавательных знаков, Эдриан сразу надел темные очки и прислонился головой к окну – положение, о котором вскоре пожалел. Сержант Грей мчалась, словно преследовала ограбившего банк преступника: педаль газа выжимала до упора. Так можно ездить в городе, а среди девонширских холмов проще не мелочиться и сразу нацелиться в кювет.

– Господи, неужели нельзя осторожнее? – жалобно простонал Эдриан, ощутив резкую боль в шее. – Ты мне позвоночник сломаешь!

– Перестань прикидываться, все в порядке.

– Куда спешить? Кроме этого у нас всего одно дело: кража газонокосилки.

– Хочу сегодня закончить пораньше. У меня свидание.

– Серьезно? А я-то думал, что ты… Как называется женщина без половых органов? Не евнух же?

– Прекрати, пожалуйста, думать о моих прелестях. – Сержант Грей свернула в аллею, и вскоре они увидели шикарный дом в стиле ар-деко.

– Вот это да! – пробормотал Эдриан.

– Живут же люди.

На роскошной бархатной софе кремового цвета сидела дама с распухшими красными глазами и сморкалась в бумажную салфетку.

– Он звонит каждый день. Точнее, звонил.

– И вдруг перестал? – уточнил Эдриан.

Сержант Грей ходила по комнате, занося ладонь над каждой поверхностью. Все вокруг сияло чистотой, каждая вещь знала свое место. Дом казался музеем, а единственное, что свидетельствовало о вкусе хозяйки, – невероятное, рождающее тревогу количество разнообразных изображений кошек.

– Да, перестал. Прошла уже неделя.

– Вы живете отдельно?

– Верно.

– Вам известны люди, желающие зла вашему мужу?

– Хотите сказать, кроме меня?

– Расставание прошло тяжело?

– Да. У Йена немало врагов. Он украл деньги у множества людей. Аудиторы до сих пор разгребают завалы, которые он после себя оставил.

– О каких именно суммах идет речь?

– Тысячи… миллионы… не знаю.

Грей села рядом с Эдрианом и утонула в глубокой мягкой софе. Он ожидал, что сержант закинет ноги на изящный кофейный столик, но она чинно сложила руки на коленях и пристально посмотрела на Дебору Маркхэм.

– Вы должны по достоинству оценить, как все это выглядит, – произнесла Грей после долгого молчания.

– Отлично знаю, как это выглядит. Я не идиотка, офицер.

– Что конкретно вы от нас хотите? – В расслабленно-ленивой позе Грей больше походила на хмурого подростка, чем на детектива, сержанта уголовной полиции. Вид ее вызывал у дамы раздражение, и Эдриан чувствовал, как за слезами копится злость.

– Хочу, чтобы вы нашли негодяя! Сбежал в свой чертов Рио или еще куда-то, а меня оставил в полном дерьме!

– Значит, дело вовсе не в том, что он может пострадать, а в деньгах? – спросил Майлз и краем глаза заметил, что Грей улыбнулась.

– Не в том и не в другом! Я потеряла абсолютно все! Кто позволил ему исчезнуть и притвориться, будто ничего не случилось? Мне постоянно угрожают по телефону, шлют полные проклятий письма! – Слезы мгновенно высохли, и лицо Деборы Маркхэм вспыхнуло гневом. – Он обокрал множество людей, забрал у них

огромные суммы. А теперь они видят, как я живу, и думают, что их деньги здесь, у меня!

Грей подалась вперед, уперлась локтями в колени и осторожно взяла хрустальную кошку – одну из целого ряда, аккуратно расставленного на кофейном столе из оливкового дерева.

– Их деньги у вас? – Грей с улыбкой провела пальцами по напоминающим призмы кошачьим ушам.

– Этот дом принадлежит моей тетушке. Она разрешила жить тут, пока снова не встану на ноги и не обрету достоинство – единственное, что у меня осталось. – На ее глаза опять навернулись слезы.

– Хорошо, миссис Маркхэм, мы займемся вашим делом, – поспешно произнес Эдриан, прежде чем Грей снова не открыла рот.

Он встал, однако сержант продолжала сидеть, не сводя глаз с плачущей дамы.

– Где он живет? – наконец осведомилась Грей.

Дебора Маркхэм достала из сумочки связку ключей.

– В перестроенном амбаре, по дороге к устью реки. Адрес найдете, если посмотрите на брелок.

Эдриан взял ключи, и Грей поставила кошку на место. Сцена напоминала переговоры по освобождению заложника. К машине напарники возвращались в молчании.

– Что, черт подери, это было? – наконец спросил Эдриан.

– Дамочка по уши в дерьме и очень старается отмыться. – Грей многозначительно улыбнулась.

– Она в отчаянии.

– Пускает пыль в глаза. Деньги все еще у нее, причем много денег. Обратил внимание, как дамочка одета? Все по моде нынешнего сезона, новые туфли – по-настоящему дорогие, – да и сумочку такую, меньше чем за тысячу, не купишь. Наверняка исчезновение мужа окажется хитрой аферой.

– Откуда тебе известно об одежде и прочем? – удивился Эдриан.

– Думаешь, совсем не разбираюсь в моде? Что ты хочешь сказать, Майли? – с наигранным негодованием воскликнула Грей.

– Ничего. Просто не выглядишь женщиной такого типа.

– А какого же типа женщиной я выгляжу, позволь спросить?

– Одеваешься, как Тони Хоукс, – ответил Эдриан и добавил: – Мультимиллионер и скейтбордист, а не комик.

– И что же, черт возьми, это значит?

– Не важно. Не обращай внимания.

– Хорошо. Позволь задать вопрос. – Грей слегка наклонилась.

– Позволяю. Задавай. – Эдриан вздохнул. За что? Чем он провинился?

– На какой машине ты ездишь?

– А ты не знаешь? На «Гранаде».

– На «Гранаде»? Господи, да ведь их уже лет пятнадцать не выпускают.

– Она мне дорога.

– И что же? Полагаю, тебе известно, что такое «Мустанг» или «Феррари», да и автомобильные программы по телевизору смотришь, так что от жизни не отстаешь и многое знаешь об автомобилях.

– Здесь совсем другое.

– А я многое знаю об одежде, особенно модной и дорогой. По тому, как человек одет, можно многое о нем понять.

Эдриан не смог сдержать любопытства и окинул спутницу взглядом, о чем пожалел, снова заметив многозначительную улыбку. Теперь уже стало ясно, что Грей улыбалась так, выиграв воображаемый поединок. Она явно не была неряшливой простушкой, какой хотела казаться.

– Мой образ – результат тщательно рассчитанного выбора, Майли. Поверь, я отлично знаю, что делаю.

– Хочешь, чтобы все вокруг считали тебя лесбиянкой?

– А если я и вправду лесбиянка?

– О, умоляю… мне точно известно, что это не так. Заметил, как ты меня оценивала.

– Заметил в своих фантазиях! – Грей слегка покраснела и с улыбкой похлопала его по руке. – Просто не хочу, чтобы люди воспринимали меня слишком серьезно и возлагали непомерные надежды. Пусть лучше увидят простушку и неудачницу, а потом поймут, что ошиблись.

– Слишком запутано.

– Ничуть. Люблю, когда собеседники считают, что они умнее и хитрее: сразу теряют осторожность и легче раскрываются.

– Что ж, подобная позиция объясняет недавнее проявление колоссальной пассивной агрессии.

– А все ради успеха дела!

– Поэтому тебя выгнали из Плимута? – спросил Эдриан, вовсе не желая обидеть, однако выражение, появившееся на лице Грей, мгновенно разрушило надежду на взаимопонимание.

Она сжала руль в положении «без десяти два» и сосредоточилась на дороге, всем своим видом давая понять, что контакт прерван и разговор окончен.

Бывший амбар оказался впечатляющим строением. Они прошли по засыпанной гравием дорожке и постучали в дверь. Солнце окрасило небо в розовый цвет, все вокруг застыло в неподвижном безмолвии.

– Мистер Маркхэм! – позвал Эдриан.

Грей зашла за угол и исчезла из виду, а он принялся пробовать ключи из связки, которую дала Дебора Маркхэм. Абсолютная тишина свидетельствовала о том, что в доме никого нет.

– Мистер Маркхэм! Йен Маркхэм! – на всякий случай снова окликнул Эдриан и вошел в дом.

Внутри оказалось пусто: ни мебели, ни вещей. Лишь несколько покосившихся картин на стенах да пара забытых ковриков на полу.

– Похоже, он все спалил в костре. – Грей стояла в дверях, держа в руках почерневшую коробку для документов. – Судя по всему, очень спешил.

Эдриан взял коробку: на дне остались кое-какие бумаги. Несколько билетов от разных букмекеров, разорванные листки, которые можно восстановить в лаборатории, приглашения на местные благотворительные собрания. Ничего достойного внимания, а тем более подозрительного.

– Сложи это в пакет, заберем с собой.

– Посмотри. – Грей протянула оплаченный счет за визу. В качестве одного из получателей числился аэропорт Хитроу. – Похоже, он уже далеко. Там, где преступников не выдают.

– Черт подери, какая разница? Забирай все, что есть.

Они вышли из дома и осмотрелись. Солнце застыло в предвечерней истоме, прохладный ветерок шевелил листья на деревьях, и от этого ветки казались живыми. На фоне оранжевого солнечного диска темневший неподалеку лес казался черным.

Эдриан все увидел и запомнил. Теперь предстояло вернуться в город и заступить на субботнее дежурство. Ничего не поделаешь: таково наказание за давнюю провинность – за то, что накануне отстранения от службы подвел коллег. Поделом: заставил людей врать в ответ на вопросы, склонен ли Майлз к алкогольным излишествам, где скрывается и выходит ли на связь. Было за что каяться перед товарищами и отдавать долги. Поэтому Эдриан пообещал Денизе Фергусон по субботам помогать с регистрацией пьяных. Мелочь, конечно, но ведь это лишь начало, первый шаг на пути к искуплению вины. Грей нетерпеливо посигналила, и он сел в машину.

Глава седьмая

Чужой

Салли чувствовала, что хозяин близко, и ждала у двери, радостно помахивая хвостом: знала его походку, дыхание, запах. Паркер вошел, и собака залилась счастливым звонким лаем. Золотистый ретривер Салли стала верным, надежным другом – тем, кто никогда не бросит и не предаст. Встретились они почти семь лет назад и сразу поняли, что отныне и впредь неразлучны.

Дом правдиво отражал характер хозяина: все поверхности заняты книгами и черными кожаными блокнотами, густо исписанными мелким почерком. Небольшой коричневый диван – любимое место Салли, о чем свидетельствовал слой золотистой шерсти. Паркер накормил собаку, а как только она поела, вывел на прогулку и направился в сторону музея, ради которого вернулся в город. Увидел выходившую с работы Эбби и подошел к ней.

– Познакомьтесь, это моя Салли!

Эбби повернулась, посмотрела и улыбнулась широко и искренне – так, как не улыбалась еще ни разу. Паркеру стало неловко: показалось, будто вторгся в чужое личное пространство, ведь улыбка предназначалась не ему. Эбби присела и дружески почесала собаку за ушами.

– Какая прелесть… Паркер, надеюсь, я вас не обидела. Забеспокоилась, когда вы неожиданно ушли. – Она смотрела серьезно, а он пытался вспомнить, о чем идет речь.

– Нет, конечно же, нет. Просто очень спешил. Вчера Салли с трудом простила меня за позднее возвращение, не хотелось рисковать второй раз подряд. Надеялся, что успею вернуться до того, как вы закончите работу. – Он не лгал. Еще раньше объяснил, что вчера Салли так обиделась, что оставила на полу гостиной лужу. – Я хотел, чтобы вы познакомились.

– Что ж, теперь все понятно. – Эбби снова улыбнулась той самой улыбкой, которой он позавидовал минуту назад, и щеки предательски вспыхнули.

– Можно, мы вас проводим? – спросил Паркер.

Вместо ответа она забрала поводок, на миг коснувшись ладони теплыми пальцами. Он засунул руки в карманы и двинулся следом.

Паркер нелегко сходился с людьми и знал это. О нем говорили так: «Если вам еще не исполнилось двухсот лет и вы не покрыты шерстью с головы до ног, вряд ли Уэст вступит с вами в беседу». Он намеренно держался в стороне. Не желал никого подпускать близко, не хотел, чтобы кто-нибудь заглянул за тонкую перегородку, отделявшую его сознание от остального мира. Так было практически со всеми, кого он встречал, но вот эта девушка Эбби оказалась другой.

Паркер видел, что Эбби намеренно сохраняет дистанцию и даже смотрит в другую сторону. Понимал, что долгое молчание устраивает ее. Как правило, люди стараются заполнить паузы пустыми разговорами о всякой чепухе. Полное отсутствие интереса даже немного обижало: Паркер привык, что все пытаются понять его. Смешно. Все равно заглянуть в душу никогда и никому не удавалось и не удастся: уж об этом-то он позаботился. Вероятно, людей, подобных ему и

Эбби Лукас, сближала работа с мертвыми – своего рода профессиональное братство. Но нет, дело не в этом. Эбби отличалась от всех остальных. Паркер сразу опознал признаки сломленного духа; манера держаться говорила больше любых слов. Ему не хотелось отпугнуть ее: привлекало обаяние. Эбби совсем не походила на других девушек – тихая, замкнутая, осторожная. Паркер понимал, что оттолкнуть ее ничего не стоит, однако и стеснительность, и настороженность ему нравились: хорошо знакомые, близкие черты.

Прогулка втроем казалась странной. Шагали молча, Эбби крепко держала поводок, а Салли, с готовностью приняв новую руку, с обычным радостным нетерпением бежала к реке. Перешли через мост; мимо старинных пивных и неопрятных тату-салонов направились к центру города. На сей раз Паркер ощутил потребность заполнить затянувшуюся паузу и задумался, о чем бы завести разговор.

– Давно работаете в музее? – Темы надежнее работы человечество еще не придумало.

– Пять лет, – ответила Эбби. Кажется, на этом беседа закончилась, так как она перешла оживленную улицу и свернула на Саут-стрит. Пришлось прибавить шагу, чтобы не отстать.

– Без диплома по профилю? – Эбби взглянула, вскинув брови, тут же отвернулась и зашагала дальше. – Извините, вовсе не хотел показаться грубым. Великолепно работаете и вовсе не нуждаетесь в моем одобрении или в чем-либо подобном. – Кажется, настало время замолчать.

– Наш музей финансируется не слишком щедро. Удалось договориться о собеседовании и убедить директора, мистера Лоустофта, что знаю свое дело. В итоге они платят мне намного меньше, чем следовало бы, а я целыми днями занимаюсь любимой работой. Знаю, что таксидермия не в моде, и все же… – Эбби обернулась и улыбнулась. Да, она действительно любила свою работу: Паркер видел ее животных. Редкое мастерство.

Эбби остановилась возле пыльной, потрепанной ветрами и дождями черной двери и отдала ему поводок.

– Скажи спасибо, Салли, – сказал Паркер счастливой собаке.

– С удовольствием пригласила бы вас в гости, но животных приводить запрещено.

– Не отношу себя к животным. – Паркер постарался улыбнуться как можно шире в надежде получить ответную улыбку, однако Эбби лишь смущенно опустила голову, достала из сумочки ключ и исчезла.

– До завтра! – произнесла она уже из-за двери.

Паркер покачал головой и взглянул на Салли, которая дышала шумно и тяжело: три мили – дистанция вовсе не марафонская.

– Да, мне она тоже нравится, – признался он и потянул поводок, приглашая продолжить прогулку.

На следующее утро по дороге в музей Паркер зачем-то прошел мимо дома Эбби. Совсем не по пути, но что-то заставило его изменить привычный маршрут. В музее оказался первым и стал дожидаться ее прихода, чтобы попасть в тот зал, где предстояло работать. Администратор Джемма, дежурившая в холле, устраивалась за своей конторкой.

– Эй! – окликнула она громче, чем требовалось.

Паркер приблизился, протянул ей руку и произнес:

– Доброе утро. Меня зовут Паркер. Работаю в хранилище.

Джемма отличалась редким дружелюбием ко всем вокруг и целыми днями стрекотала, не умолкая ни на минуту. Наверное, именно поэтому и оказалась за конторкой в холле.

– Думала, что ты так никогда и не познакомишься со мной. Как дела? От всех этих мертвецов у меня мурашки по коже.

– Во всяком случае, они молчат. – Паркер смущенно улыбнулся, а Джемма рассмеялась громче и охотнее, чем того заслуживала шутка.

Он заметил, что с противоположного конца холла за ними наблюдает Шон: они с Джеммой частенько прятались по углам, и сейчас ревность обжигала его даже на расстоянии.

– Поладил с Эбби? – поинтересовалась Джемма, вдоволь насмеявшись.

И в самом вопросе, и в том, как прозвучало имя, слышалось легкое высокомерие. Ответ она знала заранее. Неожиданно Паркер почувствовал себя не самым странным человеком в этом здании.

Работавшие в столовой женщины сплетничали без умолку и даже не старались говорить тише, так что обрывки разговоров разносились по коридору. Иногда Паркер различал слова: как правило, обсуждали ерунду вроде вчерашней серии очередной мыльной оперы – лишь бы как-то скоротать время. А Шон и Джемма постоянно стремились уединиться, флиртовали и ссорились, причем всегда шепотом. Иногда по залам прохаживался сам директор, мистер Лоустофт: следил за ходом ремонта и негромко обсуждал что-то с дизайнерами, умевшими оставаться почти незаметными. Существовали и другие таинственные личности: например, дама, проводившая экскурсии для школьников, или носильщики, неслышно переставлявшие экспонаты. Паркер осознал, что ни разу не замечал, чтобы кто-нибудь из сотрудников разговаривал с Эбби. Причина их дружбы, если можно так сказать, заключалась в том, что оба были изгоями. Впервые за много лет возникла слабая надежда: вдруг он все-таки нормальный?

– Ну вот, легка на помине. – Эбби собственной персоной без особого труда справилась с тяжелой двойной дверью и оказалась в холле.

Паркер улыбнулся: под ее смущенным взглядом он чувствовал себя намного уютнее, чем под чрезмерно фамильярным напором Джеммы. Не обращая внимания на презрительную усмешку бойкой девицы, подошел, взял из рук Эбби тяжелую сумку и по темному коридору молча зашагал туда, где предстояло работать. Остановившись в нужном зале, заглянул ей в лицо и увидел сосредоточенное выражение.

– Если начнете с дальнего угла, тогда я смогу разобраться вот с этой компанией, – наконец произнесла Эбби, и Паркеру показалось, будто от него стремятся отделаться.

– Можно попросить о небольшом одолжении?

– Пожалуйста. – Она повернулась и посмотрела вопросительно, без тени улыбки.

Эбби вообще держалась серьезно. Паркер попытался представить, какое чудо способно развеселить ее.

– Просьба может показаться странной, особенно если учесть, что мы недавно познакомились, и все же хочу попросить присмотреть на выходных за Салли. Должен отлучиться по семейным делам, не хочется сдавать ее в приют. Адрес вот здесь, на футляре для ключей. Возьмите сейчас, а то забуду. – Он протянул ей ключ от своей квартиры. – Просто насыпьте в миску немного корма и выведите Салли на прогулку. Конечно, если не возражаете.

– О…

– Не стал бы просить, но больше никого тут не знаю, а вы сразу понравились Салли… и мне тоже… то есть я вам доверяю.

Паркер чувствовал, что говорит ерунду; знал, что сейчас не время лицемерно улыбаться: она видела его насквозь. Эбби покраснела и взяла ключ. Ладони соприкоснулись. Какая теплая у нее рука! Впрочем, она сразу смущенно отдернула пальцы. Рядом с Эбби Паркер не ощущал необходимости казаться нормальным, как с остальными людьми. Не считал нужным фальшиво улыбаться и что-то говорить, когда она молчит. С каждым днем он все яснее понимал, что с Эбби незачем притворяться. Более того, честность становилась единственно возможным выбором. Ни в одном из сценариев возвращения в город, сложившихся в воображении, искренние отношения не подразумевались. Ничего подобного в его планы не входило.

– Пора приниматься за работу. Через пару недель этот зал должен освободиться для ремонта к столетнему юбилею, – прервала Эбби его размышления.

Шмыгнула в свой угол, по пути сунув ключ в карман, и Паркер решил, что просьба принята.

Паркер Уэст умел нравиться женщинам: их неизменно привлекали ум и своеобразная, слегка нескладная красота. Однако отношения его не интересовали. Нередко в женском обществе он чувствовал себя более комфортно, поскольку не был обычным мужчиной. Впрочем, слово «комфортно», пожалуй, звучало слишком сильно для его ощущений. Лишь однажды Паркеру не удалось завоевать девушку, и случилось это, когда она ему действительно понравилась – ситуация редкая. Он обладал даром манипуляции, подсмотренным у тех людей, среди которых рос, однако дал себе слово пользоваться им только в случае крайней необходимости. Не хотелось становиться таким же, как те, кто на него повлиял. Чтобы получить желаемое, они лгали, постоянно, не замечая, кому причиняют боль. Нет, он ни за что не выпустит на свободу ту часть собственного существа, которая стремится к обману, разврату и разложению. Он хочет стать выше порока. Как правило, женщины, которыми Паркер увлекался, сразу отворачивались – возможно, потому, что он пытался флиртовать, вовсе не умея это делать. Он и сам понимал, что неуклюжие попытки изящно шутить никогда не воспринимались так, как хотелось бы. Все девушки, с которыми Паркер знакомился прежде, неизменно старались приручить его. Зная, что приручению он не подлежит, Паркер отталкивал их. А еще заметил, что те девушки, какие ему нравились, имели одну общую черту: они были хорошими, слишком хорошими. Он так высоко ценил их, что просто не имел права вступить в отношения. Да, так случилось, что Паркер не мог себе позволить остаться с той, которая по-настоящему привлекала. Абсолютное неверие в возможность будущего счастья он объяснял детским, почти врожденным отчаянием. Прошлое его оказалось немыслимо темным, невообразимо безрадостным – настолько тяжелым, что порой в почти безнадежных ситуациях Паркер чувствовал себя увереннее, чем в обычной, повседневной жизни.

Глава восьмая

Хозяин

Тогда

Когда такси остановилось возле дома, дверь уже была распахнута настежь. Знакомую девушку рвало в ближайших кустах, в боковой аллее бесстыдно целовались парочки. Эбби представила, что они с Кристианом обнимаются так же откровенно, и внезапно ощутила совершенно новый интерес. В интимной глубине, где-то внизу, зародился странный трепет. Громкая музыка пронзила насквозь и обострила нетерпеливое ожидание. Проходя по комнатам, Эбби заглядывала во все углы. Каждый считал нужным поздороваться с Дэни, и вскоре та отстала, задержавшись в одной из компаний. Дальше Эбби пошла одна. Впервые в жизни она ощущала на себе взгляды – не снисходительные, насмешливые и презрительные, а голодные и похотливые. Так вот, значит, как это бывает. Вскоре в руке оказался бокал, и Эбби осушила его с уверенностью человека, знакомого с алкоголем значительно ближе, чем на самом деле. Сегодня она не собиралась оставаться примерной скучной Эбби, мечтала стать иной – интересной, желанной. «Прекрати себя контролировать и наслаждайся!» Она всегда понимала, что проблемы с самооценкой создала сама. Выросла без матери, а отец не сумел привить необходимые девушке социальные навыки. Приходилось полагаться исключительно на собственные догадки и наблюдения.

Под звуки «Фейерверка» Кэти Перри Эбби вышла в сад. На ветках деревьев и в живой изгороди мерцали, подмигивая, разноцветные волшебные фонарики. Вскоре появился Кристиан. Эбби почувствовала себя героиней фильма. Глубоко вздохнула и зашагала по аллее в надежде, что он увидит ее прежде, чем Даниэлу. Но первым заметил добычу Джейми. Что-то шепнул, и Кристиан обернулся. Эбби притворилась, будто не видит парней, хотя липкие взгляды обжигали.

– Рад, что ты смогла прийти, – произнес Кристиан, и Эбби уловила в его голосе возбуждение и вожделение.

Он наконец-то оценил в ней женщину. Улыбаясь в ответ на улыбку Джейми, она чувствовала остановившийся на груди жадный взгляд. Вдруг мелькнула мысль, что Джейми улыбнулся впервые – улыбка получилась натужной и неловкой. Эбби стряхнула отвращение и снова посмотрела на Кристиана, который по-прежнему старался скрыть плотский интерес, хотя явно ждал, чтобы она отвернулась: наверное, видел это платье на Дэни и знал о вырезе на спине. Кто бы мог подумать, что оголенная спина вызовет не меньше хлопот, чем глубокое декольте? Кокетливо прикусив губу, Эбби направилась к чаше с пуншем. От похотливого взгляда и одной лишь мысли, что этот взгляд означает, стало не по себе. Почему-то представилось, как Кристиан прикасается губами к пояснице.

Эбби покраснела и залпом осушила бокал.

Затем последовали еще четыре бокала, после которых она смеялась громко и беззаботно. Зачем было так долго прятаться по углам? Внимание казалось вполне заслуженным. Сегодня Эбби выглядела по-настоящему хорошенькой и едва ли не вдыхала голод парней, наперебой старавшихся завоевать внимание и не скупившихся на комплименты. Сегодня ее достоинства потребовались всем. Вскоре Эбби уже сидела на диване в тесной компании трех игроков крикетной команды и пила текилу. Текилу она не любила, однако вечеринка оказалась настолько веселой и приятной, что возвращаться в свое обычное скучно-разумное состояние не хотелось. Дэни сидела напротив и не скрывала радости, глядя, какой успех выпал на долю соседки и протеже.

– Послушай, Эбс, давай сделаем по-другому, – предложила она, когда Эбби поморщилась в ответ на предложение еще одной порции текилы.

Парни с восторгом наблюдали, как красавица перекинула волосы на одно плечо, лизнула ладонь и провела по обнаженной шее, а потом посыпала блестящую от влаги кожу солью. Образ означал готовность отдаться вампиру. Эбби, в свою очередь, склонилась над кофейным столиком, туманно сознавая, что для подобной позы платье слишком коротко, и радуясь, что не послушалась Дэни и не надела трусики танга. Опершись коленом на стол, высунула язык и принялась медленно слизывать соль с шеи подруги. Потом Дэни вылила текилу в рот Эбби и призывно улыбнулась, зажав в зубах лимон. Под прицелом телефонных камер Эбби высосала сок. К всеобщему восторгу чрезмерно разгоряченных и возбужденных юнцов, губы девушек сомкнулись в долгом чувственном поцелуе. Отстранившись, Эбби заметила, что Кристиан внимательно наблюдает за происходящим, и внезапно ощутила острое чувство вины: словно только что предала его, изменила – пусть даже вовсе не она, а Дэни была его подругой. Возникло сомнение: может, взгляд предназначался не ей, а Даниэле? Но нет, Кристиан смотрел именно на нее. От безудержных радостных криков туман в голове стал еще гуще, а в желудке текила смешалась с пуншем. Пришлось срочно уйти из комнаты, подальше от шума.

Цепляясь за перила, с трудом волоча ноги, Эбби медленно брела по лестнице к ванной комнате, опасаясь, что может не успеть. Споткнулась на пороге и рухнула, успев крепко обхватить руками унитаз. Ядовитая смесь фонтаном брызнула изо рта. На обратном пути текила оказалась такой же отвратительной.

Вдобавок в отсутствие лимона огненная вода обжигала горло. Внезапно кто-то легко коснулся ее шеи и убрал волосы подальше от потока скверны.

– Все в порядке. Я с тобой.

Эбби чувствовала себя слишком плохо, чтобы удивиться голосу Кристиана, однако с благодарностью приняла сочувствие и помощь.

Сознавая, что появление в столь неприглядном виде означает конец еще не начавшихся отношений, она решила, что парня больше волнует судьба ванной комнаты, чем ее самочувствие. Кристиан помог ей подняться и протянул полотенце.

– Спасибо, – смущенно, едва слышно пробормотала Эбби.

– Не переживай, со всеми бывает. Если хочешь, возьми мою зубную щетку. У меня есть еще одна.

Когда кто-то смотрит, как ты чистишь зубы, возникает странная близость. Эбби чувствовала себя слабой, беззащитной, будто все это имело какой-то особый смысл. Она никогда не умела читать знаки, но в эту минуту сомневаться не приходилось: Кристиан смотрел не так, как смотрит друг, а с особым, значительным выражением.

Заботливый хозяин показал, где расположена спальня. Эбби прилегла на кровать, а он принес воду и парацетамол – незаменимое средство в критических ситуациях. На стенах не было ни единого плаката, комната выглядела сдержанно, строго и свидетельствовала о методичном и организованном характере обитателя. Полное отсутствие индивидуальных черт. Эбби не знала, что именно ожидала увидеть, но уж никак не подобное безличное и холодное пространство. Наверное, она на минуту задремала, а едва проснувшись, увидела, что Кристиан сидит на краю постели со стаканом воды и таблетками. Эбби приподнялась на локте, проглотила таблетки и жадно запила.

– Уже лучше? – Кристиан убрал с глаз упавшую прядь и с сочувственной улыбкой положил руку ей на плечо.

– Вообще-то я не пью текилу.

– Хорошо, что сегодня ты отпустила себя на свободу… и выглядишь потрясающе. – Ладонь скользнула по спине, пальцы сблазнительно коснулись кожи. – На самом деле ты очень хорошенькая. – Кристиан склонился и поцеловал Эбби. Нежно, так, чтобы она почувствовала горячее влажное дыхание. «А как же Дэни?» – спросила себя Эбби, отвечая на поцелуй. Может, это всего лишь сон? Неужели он действительно целует ее? Покрепче зажмурилась, опасаясь, что, если откроет глаза, ошибка сразу обнаружится и сказочный принц с отвращением отвернется.

Рука легла на колено, и инстинкт девственности приказал сжать ноги, чтобы не пропустить дальше, однако какой-то другой, более властный инстинкт заставил первый замолчать и позволил ладони подняться, заглушив отчаянные вопли всего существа. Дэни ведь простит, правда? Или обвинит и возненавидит? Да и узнает ли вообще?

Глава девятая

Фокус

Кевин Харт потянул потускневшее, поцарапанное обручальное кольцо. Снять его оказалось непросто: мешал распухший сустав. Годы невоздержанности в еде и в питье оставили заметный след: сейчас Кевин выглядел значительно массивнее, чем на своей свадьбе, хотя сам ощущал это, лишь когда пытался снять кольцо. После долгих усилий упрямый золотой ободок сдался и отправился в карман. Розовые огни раздражали, в висках пульсировала острая боль. Кевин проглотил таблетку от мигрени и глотнул виски.

Среди новых посетителей бара Кевин Харт был давним, привычным завсегдатаем. Как всегда, сидел в отдельной кабинке, в дальнем углу, и внимательно разглядывал танцующих, уже изрядно пьяных молодых людей, выискивая в толпе одиночек – разочарованных в жизни неудачников. Бармен давно привык к повадкам гостя, без слов понимая далеко идущие намерения. Когда отчаявшийся юнец умоляюще жался к стойке, он бросал на Кевина вопросительный взгляд, ожидая зеленого света. Кевин не обладал теми

достоинствами, которыми природа наградила парней: он давно утратил и молодость, и внешнюю привлекательность, однако на его стороне оставались деньги и власть – преимущества, в этой игре значительно более весомые.

Кевин наблюдал за пестрым павлином, каждым экстравагантным движением старавшимся привлечь всеобщее внимание. Надо сказать, что это ему удавалось, и некоторые из мужчин отворачивались от своих не столь ярких партнеров и пытались попасть в поле зрения красавчика. Вот потный молодой самец, проигравший в борьбе за лидерство, выбрался из толпы, подошел к стойке и заказал выпивку. Бармен взглянул на Кевина, который жадно рассматривал очередную жертву, и в ответ тот, подняв стакан, слегка оттопырил мизинец в знак согласия.

– Оплачено джентльменом, сидящим за столом для почетных гостей. – Бармен поставил виски на стойку и кивнул в сторону Кевина. Парень выпрямился и выпятил грудь: он отлично знал, что кабинки предназначены исключительно для богатых клиентов. Кевин показал на свободное место рядом, и новый друг послушно приблизился.

– Мартин, – представился он и протянул руку.

Кевин сделал вид, будто не заметил. Не любил вставать на одну доску черт знает с кем. Любопытство заставило парня присесть, хотя улыбка поблекла, а самоуверенности поубавилось. Кевин хотел, чтобы Мартин сразу понял, кто здесь главный: молодость и красота – повод недостаточный, чтобы заламывать цену. Мартин должен ловить каждое слово, и для этого следует говорить мало и с расстановкой.

– Хочешь заработать кое-какие деньги? – произнес Кевин после продолжительного молчания.

– О, я не про… то есть я не… – беспомощно залепетал Мартин.

– Расслабься.

Кевин знал, что каждый имеет свою цену – за все. Годы деловых переговоров доказали, что можно уговорить человека продать новорожденного ребенка – если точно знать, чего он действительно желает. Мартин был хорошо одет,

однако потертые швы на дизайнерских джинсах и бахрома на футболке выдавали правду. Парень отчаянно нуждался в богатом покровителе, потому и откликнулся на призыв. На время Кевин вполне мог стать таким покровителем. Угодить Мартину будет нетрудно.

– Заплачу две тысячи фунтов, если проведешь со мной выходные.

Кевин взял бутылку виски и наполнил свой стакан. Протянул бутылку Мартину и помедлил, почти физически ощущая, какие мучительные сомнения тот испытывает. Каждый из собеседников неотрывно смотрел другому в глаза, пытаясь разгадать, с кем имеет дело. Для Кевина в этом заключалась часть забавы, игры: тайна, предвкушение, страх неизвестного завораживали. Так что, когда Мартин взял из руки Кевина бутылку, оба поняли, что принял он вовсе не виски.

В замке щелкнул ключ, и Кевин распахнул дверь, предлагая Мартину первым войти в квартиру. Даже в темноте было заметно, как тот улыбнулся, едва глаза немного приспособились к новым условиям. Комната освещалась уличными огнями, отраженными в узких окнах стоявшего напротив готического собора. Все мужчины, которых Кевин приводил сюда, неизменно восхищались чистыми, лаконичными линиями строгой мебели, выходившим на соборную площадь полукруглым окном, ароматами египетских тканей и нержавеющей стали. Хозяин не сомневался в произведенном впечатлении: местечко было престижным, модным и успешно поддерживало тот образ, какому он старался соответствовать, – образ человека с деньгами и властью. Эта квартира была убежищем, домом вдали от дома, местом, где можно оставаться самим собой и делать то, что позволяло сохранить рассудок. Жена давно привыкла проводить выходные без него. Марта любила красивую жизнь, и Кевин знал, что до тех пор, пока деньги исправно поступают на счет, задавать вопросы, а тем более выслеживать мужа она не станет. Здесь, на соборной площади, никто не помешает ему стать самим собой.

– Заплачу прямо сейчас. – Кевин бросил на стол пачку пятидесятифунтовых банкнот.

Мартин нервно взглянул на деньги, а потом схватил и поспешно засунул их в задний карман.

– Славное местечко. Действительно славное, – одобрительно проговорил Мартин с грубым деревенским акцентом и внимательно посмотрел на семейный портрет на стене.

Жизнерадостное лицо мужчины мало напоминало лицо стоявшего рядом человека: тот, на картине, был значительно моложе и стройнее. Он обнимал за плечи двух подростков: высокого худощавого мальчика со смущенной улыбкой и девочку чуть помоложе, в белоснежном платье. Картину Кевин держал здесь для того, чтобы во время визитов жены квартира выглядела просто вторым домом: так обоим было легче притвориться, будто ничего предосудительного не происходит.

Тяжелой ладонью Кевин наотмашь ударил Мартина по лицу. Тот вздрогнул и поднял руку для ответного удара. Кевин перехватил запястье и посмотрел ему в лицо. В те короткие мгновенья, пока парни вот так реагировали, он всякий раз спрашивал себя: искреннее ли удивление или малыш просто играет? Впрочем, какая разница? Скорее всего те, кто соглашался прийти сюда, смутно догадывались, за что им платят. Вряд ли были настолько наивны, что ничего не подозревали. Он любил этот взгляд, шок, удивление, негодование. В глазах Мартина блеснули слезы.

– Могу забрать деньги и отпустить, – прошептал Кевин. – Или оставь деньги у себя и исполняй приказы.

Одно дело отказаться от крупной суммы, совсем другое – отдать крупную сумму, которую только что держал в руках. Для Кевина этот момент служил мощным стимулом возбуждения – момент приятия, когда молодые сильные мужчины, уже зная, что произойдет дальше, все-таки соглашались на немыслимые унижения. Он жил ради этого мига абсолютной продажности.

– Что я должен делать? – Мартин подавил слезы и опустил руку.

– Разденься. – Отступив, Кевин наблюдал, как тот с отвращением снял одежду и остался в трусах, наверное, лучших из тех, что у него были – безвкусно ярких, с фирменным ярлыком, облегающих, возможно, даже дорогих. – Совсем.

И вот Мартин стоял посреди комнаты обнаженным, а Кевин любовался его смущением, стройным золотистым силуэтом, обрамленным отраженным светом

собора. Мартин скрестил руки, пытаясь сохранить хотя бы толику скромности. Кевин внутренне улыбнулся: к концу их встречи о скромности тот забудет навсегда.

Спальня выглядела темнее и суровее гостиной – кровать торжественно занимала центральную часть пространства. Мартин споткнулся, и Кевин толкнул его на матрас, лицом вниз. Пол показался Кевину странным – что-то было не так, – однако он списал ощущение на стремительно возраставшее возбуждение. Одной рукой расстегнул ремень, рывком вытащил из брюк, свернул петлей и набросил его Мартину на шею, словно тот был бродячей собакой. Никаких предисловий и прелюдий. Плюнул на руку и засунул пальцы в Мартина, который перестал извиваться, едва почувствовав, что чем больше сопротивляется, тем туже затягивается ремень. Вот уже несколько месяцев Кевину не удавалось так славно поиграть. Мешали дела рабочие и семейные, тупые селекторные совещания, театральные выступления дочери. А сейчас, запихивая руку все резче и глубже, он наслаждался молодым сильным телом, искаженным судорогами и конвульсиями.

Потянул ремень, вздернул Мартина в вертикальное положение, и тот жалобно взвизгнул. Проверил эрекцию – он знал, как надо действовать даже без участия жертвы. Знал все фокусы.

– Хватит! Слишком туго! – прохрипел Мартин, но ремень затянулся еще крепче.

– Не бойся, навсегда не искалечу, – отозвался Кевин.

Если бы Кевин Харт проявил больше наблюдательности, то непременно заметил бы, что странное ощущение под ногами создавал вовсе не мягкий ворсистый ковер, а толстый слой пыли. Если бы не сосредоточился на собственном всемогуществе, а со вниманием отнесся к тому, что его окружает, то увидел бы стоявшую в углу темную фигуру. Но Кевин Харт ничего не заметил и не увидел.

Безжалостно исследуя член Мартина, Кевин и сам начал твердеть. Настало время показать, на что он действительно способен. Разумеется, все самое важное ожидалось впереди, а сейчас началась лишь разминка. Мартин останется в его полном распоряжении на сорок восемь часов – конечно, если протянет так долго. Обычно все они выдерживали, мысли о деньгах придавали силы. Кевин понимал толк в садизме, много лет он приводил молодых людей в

эту квартиру. Как каждый истинный хищник заставлял жертвы соглашаться на многое, чем обеспечивал полное молчание, равно как внушал, что они вольны уйти в любой момент, всего лишь вернув полученные деньги. Иногда, понимая, что зашел слишком далеко, напоследок платил еще. Именно поэтому Кевин и выбирал тех молодых людей, которые от отчаяния соглашались на все. Каждые два месяца выделял в плотном графике время для оргий, совмещая зверские игрища с посещением периферийного отделения в Эксетере, а жене говорил, что уезжает проводить регулярную аудиторскую проверку. Как правило, этого хватало для удовлетворения болезненно острого интереса к отвратительной стороне секса.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Дар» (нем.). – Примеч. пер.

2

Регион, включающий в себя Австралию, Новую Гвинею, Новую Зеландию и острова Тихого океана. – Примеч. ред.

Купить: https://tellnovel.com/daymond_katerina/uchitel

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити